

АНТТИ КУЯЛА

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ КАК СТРАНЫ-СОСЕДИ С РАННИХ ЭПОХ ДО 1772 ГОДА

Ранние эпохи

Распространенная в первой половине XX в. финско-националистическая историография рассматривала историю Финляндии как неотвратимый путь к автономии и государственной независимости. Часто говорят о том, что историографам будто удалось подсмотреть провозглашение независимости 1917 г. и благодаря этому «отредактировать» историю в нужном направлении и предварить сам ход событий. Как многие считали, еще когда Финляндия была частью Швеции, местная аристократия смогла осуществить связанную с «восточным вопросом» национальную политику, как и позже во времена независимости в XX в. Эту национальную политику обычный народ в силу своих недалековидных классовых интересов не понимал и, следовательно, восставал против элиты (речь идет о XVI в.). В действительности же до XIX в. не существовало финской национальной идеи в ее современном представлении. Финляндию не противопоставляли Швеции, кроме как в географическом плане. Вера и принадлежность к одному сословию или подчинение одному и тому же королю сплачивали намного сильнее, чем язык.

Противоестественно также на основании более позднего развития считать средневековую Москву символом всей Руси и недооценивать значимость путей развития Новгорода и Литвы. Средневековая Русь состояла из множества земель, которые по-

мимо всего прочего подчинялись Золотой Орде. До конца XV в. не существовало такого территориального государства, как Русь или Россия. Торговые связи Новгорода, самого большого города Балтийского региона, с Западом были оживленными, и городское вече и назначаемые им должностные лица регулировали власть княжества. Три скандинавских державы — Дания, Норвегия и Швеция — в XII в. были еще слабо скрепленными государственными образованиями, созданными на основе сетей знати. Управленческие государственные структуры, а также территориальные государства родились лишь к концу Средневековья.

Первые жители пришли в Финляндию через Карельский перешеек с нынешних прибалтийских, белорусских и украинских земель в конце Ледникового периода. На состав населения влияли также выходцы с Дальнего Востока (которые в течение долгого времени приходили в эти земли через Сибирь) и говорившие на индоевропейских языках жители, которые начали переселяться к западному и южному побережью с конца Каменного — начала Бронзового века (потомки этих переселенцев с запада позднее смешались с местным населением и стали говорить на том языке, из которого впоследствии образовался финский). Речь всегда шла о довольно немногочисленных группах переселенцев. Поначалу в Финляндии говорили на тех языках, память о которых сохранилась впоследствии, пожалуй, главным образом в топонимах. Финно-угорский язык пришел сюда из России либо вместе с переселенцами, либо посредством торгового или культурного влияния. Финно-угорские языки скорее всего были своего рода лингва франка в Северной России и на северо-востоке Балтийского моря. «Колыбель» финно-угорских или уральских языков могла быть расположена по обе стороны от Уральских гор. Западные и восточные финны генетически родственны, но из-за географической изолированности имеют между собой больше различий, чем можно было бы подумать. На протяжении многих сотен и тысяч лет индоевропейские языки влияли не только на грамматический строй финского, но и на его лексику так, что довольно большая часть всего словарного запаса финского языка имеет индоевропейские корни (в первую очередь германские, балтийские и славянские; существует также пласт древних индоевропейских заимствований).

В конце первого тысячелетия н. э. и в начале следующего немногочисленное население Финляндии так же, как и жители Эстонии и Латвии, отставало в плане развития общественной организации от своих восточных и западных соседей и поэтому

подвергалось с их стороны военной и торговой экспансии и религиозному подавлению. Шведский король и римско-католическая церковь получили власть над западными финскими племенами в XIII в. Частично вопрос был решен военными силами, частично — мирным подчинением. Общество по обе стороны Ботнического залива состояло преимущественно из крестьян. Между шведской элитой и финским народом не пролегло, однако, той пропасти, которая существовала позднее между немецкой знатью и эстонским и латышским народом в Прибалтике.

С помощью нескольких военных походов шведы стремились получить контроль над устьем Невы, но Новгороду удавалось сохранить свою власть над торговыми путями, уходящими через Волхов, Неву и Нарву в Балтийское море. Петр I и Сталин впоследствии восславили Александра Невского как своего предшественника и победителя в борьбе с иностранными захватчиками (успех в Невской битве в 1240 г. и победа над немецкими рыцарями в Ледовом побоище в 1242 г.). Однако «всемирный герой» Александр Невский в свое время был вынужден признать превосходящие силы татаро-монголов и найти способы сотрудничать с ними. В 1293 г. шведы основали Выборгскую крепость. Русские отряды в свою очередь осуществили несколько попыток военных походов в финские земли. Так жители Финляндии и Карелии поочередно совершали набеги на своих соседей с целью наживы.

В 1323 г. Новгород и Швеция заключили Ореховецкий мирный договор (русское название острова — Ореховецкий остров и крепость Орешек, фин. Пяхкиясаари и Пяхкиялинна, швед. Нотеборг). Четкая южная граница пролегла сквозь Карельский перешеек к озеру Сайма так, что Выборг и западная часть перешейка (Выборгская Карелия) отошли Швеции, а восточные территории перешейка, город Корела (фин. Кякисалми, швед. Кексгольм, ныне Приозерск) и Корельский уезд — Новгороду. Мирный договор, распространивший свое влияние от бассейна Саймы на северо-запад к Ботническому заливу и на север к Белому морю, называл лишь несколько конкретных пограничных пунктов, точное местонахождение которых частично неясно. О расположении границ и намерениях составителей договора нет единого мнения. Ясно только, что у тех, кто составлял мирный договор, было смутное представление о северных областях. Эти земли пустовали и лишь отчасти были заселены саамами, промышлявшими рыбной ловлей и охотой, и редкими земледельцами, выходцами из Западной Финляндии и Карелии. Согласно наиболее правдоподобной теории, эти земли назначили своего рода

областью общего пользования, так что для Новгорода и его подданных западная граница заканчивалась у Ботнического залива, а восточная граница для Швеции — у Белого моря. Главной целью мирного договора было обеспечить безопасность торговли в восточной части Финского залива.

Представления о вечном и неразрешимом противостоянии восточной и западной культуры и религии лучше полностью отбросить в сторону. Скандинавская наемная дружина и купцы создали на обитаемых восточными славянами и финно-угорскими племенами территориях те центры государственности, из которых и сформировалась средневековая Русь. В финском языке для обозначения Швеции и шведов используется слово *ruotsi*, которое имеет те же этимологические корни, что и слово *Русь*. Правившая Русью знать происходила из скандинавов, хотя затем быстро ассимилировалась к славянской среде. Еще в XI–XII вв. отношения между семьями правящих лиц Скандинавии и Руси были довольно тесными. Влияние греко-православной веры чувствовалось и в Швеции (в городе Сигтуна и на острове Готланд, чьи жители вели торговлю с Русью), и в Финляндии, которая заимствовала у славян наиболее древние слова, относящиеся к христианству, такие как *risti* «крест», *pappi* «священник, поп», *Raamattu* «Библия». Противопоставление Римской и православной церкви возникло лишь в XIII в.; то же самое касается и противостояния Швеции и Новгорода.

Новгород подчинил себе карельские земли в области Корелы в 1278 г., куда православная церковь и начала распространять свое влияние. В 1330-е гг. карелы бунтовали уже не в первый раз, поэтому Швеция и Новгород пришли к решению о том, что ни одна из сторон не предоставит убежища бунтующим. Шведская экспансия в направлении восточных областей Финского залива закончилась лишь в середине XIV в. Характер этого насаждения господства был довольно воинственным, однако имел под собой религиозную и торгово-экономическую подоплеку (шведы стремились заполучить еще больше подданных и, следовательно, увеличить налоговые сборы). Шведский король Магнус Эрикссон захватил в 1348 г. крепость Орешек, но уже в следующем году Новгород отвоевал ее обратно. Магнусу пришлось, в конце концов, отказаться от первоначальных замыслов нового нападения. На рубеже 1350-х гг. в Европу пришла эпидемия чумы, и вызванная ею высокая смертность стала причиной того, что шведская экспансия в восточном направлении начала ослабевать. Помимо этого «черная смерть» остановила переселение шведских кре-

стьян на прибрежные финские территории. И сейчас побережье Финляндии населяют шведоязычные земледельцы, а шведский является вторым государственным языком Финляндии.

В XIII–XV вв. торговлю в Балтийском море контролировала группа немецкоязычных купцов, именовавшаяся Ганза (*Hansa*), которая была крайне озабочена безопасностью перемещения товаров по морским торговым путям. Самая восточная контора Ганзы располагалась в Новгороде, ключевом городе Древней Руси.¹

В XV — начале XVI в. Швеция периодически входила в состав унии трех Скандинавских стран и время от времени пыталась выйти и выходила из-под власти правившего унией датского короля. С середины XIV в. Финляндия была равноценной частью шведского государства. Эта область носила шведское название Эстерланд (фин. Итјамаа, лат. *partes orientales*, «Восточная земля»), так как название Финляндия относилось к землям, центром которых был город Турку (Або; до начала XX в., когда речь шла о финских городах, в русском языке было принято употреблять их русифицированные шведские названия). Не позже чем в XVI в. оформились финские границы в их современном виде, хотя область Эстерботнии не всегда считалась частью Финляндии. Согласно традиционным представлениям, население провинции Саво (также Саволакс), располагавшейся к западу от границ Ореховецкого мира, возросло в XV в. и только увеличивалось в следующем столетии. Переселенцы из Саво проникли позже

¹ Большую часть обширных исследований на эту тему здесь не представляется возможным привести. Общее представление об истории отношений между Швецией и Русью, которые затрагивают и Финляндию: Aleksander Kan. Sverige och Ryssland: Ett 1200-årigt förhållande. Stockholm, 1996. S. 21–41, 150–152, 173–175. Также общие сведения: История Швеции. / Ред. колл. Кан А. С. и др. М., 1974. О завоевании Финляндии, шведской экспансии на восток и политических сетях скандинавской знати см. Dick Harrison. Sveriges historia 600–1350. Stockholm, 2009. S. 216–226, 444–452. Ореховецкий мир 1323 г.: John Lind. Om Nødeborgsfreden og dens grænser // Historisk Tidskrift för Finland. 70, 1985, 3. S. 305–336. Швеция, Новгород и Выборгская и Корельская Карелия: Jukka Korpela. Viipurin linnaläänin synty: Viipurin läänin historia. II. Jyväskylä, 2004. Об истории русской Карелии: Heikki Kirkinen. Karjala idän kulttuuripiirisä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963; и книга того же автора: Karjala idän ja lännen välissä. I. Historiallisia tutkimuksia 80. Helsinki, 1970; Очерки истории Карелии. Т. I / Под ред. В. Н. Вернадского и др. Петрозаводск, 1957. Упомянем также и немного устаревший источник: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

и на русские территории, преодолев границы мирного договора. В последнее время бытует мнение, что местные жители уже давно населяли эти территории, но наверняка о них стало известно лишь тогда, когда Швеция начала собирать с них налоги и, следовательно, вносить их имена в окладные книги. Этот факт вполне имеет место, однако едва ли можно отрицать всеобъемлющий характер подсечно-огневой культуры, распространенной среди жителей провинции Саво. По мере продвижения в восточные и северные финские земли все чаще встречалось не посевное земледелие (полеводство), а подсечно-огневое. Так как такой вид земледелия создавал условия урожайности всего на несколько лет, крестьянам приходилось постоянно перемещаться с места на место, пусть и каждому по его собственной земле. Разница между восточной и западной финскими культурами, которую можно наблюдать и по сей день, во многом происходит из-за разных традиций ведения хозяйства. Влияние шведской и русской культур также сыграло свою роль в этих различиях.

В 1470-х гг. шведы построили на месте нынешнего финского города Савонлинна крепость Нейшлот, сначала из дерева, затем из камня. Русские считали, что крепость основали по их сторону границы. Православная церковь в свою очередь основала на рубеже XIV–XV вв. Коневский и Валаамский монастыри на островах в Ладожском озере. К тому времени жители тех областей были или ярыми язычниками, или еще не успели полностью отойти от языческой веры. С усилением значимости земель как политических центров и с ростом плотности населения в приграничных землях связаны те грабительские походы, которые местные жители предпринимали в соседние области. Такой всенародный способ ведения войны бытовал в северных областях Ладоги вплоть до XVIII в.

Московский великий князь Иван III в 1478 г. завоевал Новгород. Все те новгородские органы управления, которые напоминали своей организацией европейскую систему власти, были упразднены. Русские княжества объединились под властью московского правителя. В 1492 г. на противоположном от Нарвы берегу Иван III заложил крепость Ивангород. Закрыв представительство Ганзы в Новгороде, русский князь нажил врага в лице Ливонского рыцарского ордена, а подчинив себе все остальные русские княжества, восстановил против себя и Литву. Москве, тем не менее, хватало сил и энтузиазма, чтобы вести войну еще и против Швеции в 1495–1497 гг. Дания заключила до этого союз с Москвой и всячески подстрекала ее потребовать

от Швеции вернуть в силу границы Ореховецкого мира и тем самым запугать шведского регента. Попытка русских захватить окруженный крепостными стенами город Выборг в конце 1495 г. провалилась. Следующей зимой они предприняли поход далеко на юг Финляндии и в Эстерботнию, а летом того же года шведы опустошили Ивангород. Боевые действия между двумя странами прекратились в 1497 г. Совсем как Магнус Эрикссон в середине XIV в., шведы и в этот раз хотели преподнести войну как крестовый поход. В подтверждение они даже добыли папскую буллу. Очевидно, в то же самое время шведы изготовили подделку Ореховецкого мирного договора, в которой попытались передвинуть настоящие границы чуть восточнее недавно заселенных спорных областей.²

Война против Ивана III в финской историографии иногда преувеличенно именуется как «Большая русская вражда» (фин. *suuri venäläisviha*). Таким именем хотели сопоставить эту войну с оккупацией Финляндии в 1713–1721 гг., *Великим лихолетьем* (фин. *isoviha* «великая вражда»), и подкрепить представление о русских как о заклятом враге. Вплоть до начала XVIII в. Россия не могла вступить в полноценную войну со Швецией, так как постоянно пребывала в конфликте либо с Польшей, либо с Турцией, либо с южными кочевниками.

Начало Нового времени

Выходец из шведских дворян Густав Эрикссон Ваза всколыхнул бунт против господства Дании в начале 1520-х гг. и свергнул власть датского короля в Швеции. В 1523 г. Ваза стал именоваться королем Густавом I. Чтобы рассчитаться с взятым у Любека долгом, новый король передал большую часть имущества и доходов католической церкви в казну и начал Реформацию. Лютеранское учение завоевало господствующее положение в шведском государстве. Лютеранская вера предполагала богослужение на местном языке. Микаэль Агрикола, ставший епископом Турку

² Военные походы Магнуса Эрикссона и Ивана III: Dick Harrison & Bo Eriksson. *Sveriges historia 1350–1600*. Stockholm, 2010. S. 15–21, 190–198; Lars-Olof Larsson. *Kalmarunionens tid: Från Margareta till Kristian II*. Stockholm, 2006. S. 355–362. Обзор истории России: Nicholas V. Riasanovsky. *A History of Russia*. 4th edition. New York & London, 1984. О событиях XIV–XV вв. также: Kan. Op. cit. S. 40–44 и Korpela. Op. cit. passim.

(Або) уже в конце своего жизненного пути, издал в 1543 г. азбуку на финском языке, а в 1548 г. выпустил финский перевод Нового Завета. Агриколу по праву считают основателем финского литературного языка. Предположительно, и во времена католической веры существовала финноязычная духовная литература, однако никаких письменных источников не сохранилось. Как ни странно, наиболее старый текст, написанный на родственном финскому языке, — запечатленное в новгородской берестяной грамоте заклинание, датируемое XIII или XIV веком.³

С того момента, как Новгород попал под власть Москвы в 1470–1480-х гг., русская сторона требовала и в конце концов добилась того, чтобы в мирных договорах, заключенных после продолжительных конфликтов, говорилось, что границы в них были определены согласно Ореховецкому мирному договору. В то время уже считалось ясным делом, что в древнем мирном договоре была четко определена линия границ также по ее северной части; шведам, однако, удалось отложить установление границ на неопределенный срок. В 1533 г. правителем Московского государства стал Иван IV, вместо которого из-за его малолетнего возраста пока правил регент. По привычкам того времени мир между правителями нужно было продлевать, когда правитель в одном из государств менялся. Густав Ваза приказал своим подчиненным объявить русским, что мирный договор исчез, так как полагал, что у русских нет своего экземпляра. В этом случае граница пролегла бы согласно тогдашним поселениям, то есть не в пользу русской стороны. Московские власти, тем не менее, отыскали шведоязычную версию договора в Новгородском архиве и предъявили ее шведам на переговорах в 1537 г. Несмотря на это, мирный договор продлили, а прокладку границ перенесли на десять лет и назначили на 1547 г. Разорительные походы крестьян, живущих по разные стороны границы, друг против друга, все же случались в приграничных землях, как и прежде. На Карельском перешейке, например, боролись за небольшой участок земли, который так и называли Спорной землей (фин. Рийтамаа).

Ни Густав Ваза, ни Москва не хотели войны, но из-за разногласий вокруг Спорной земли, других расхождений во мнениях о границах и стычек между населением двух государств, в 1555 г. не удалось избежать новой войны. Королевские отряды и местные крестьяне победили весной того года превосходившего силами противника в небольшой схватке на перешейке

³ Берестяная грамота: Korpela. Op. cit. s. 162.

(на шведской территории). Это прибавило шведам храбрости, и уже летом они осадили Орешек, но попытку захвата русские все же отбили. Москва посчитала этот выпад объявлением войны. Приближающийся к своему 60-летию Густав Ваза прибыл осенью в Выборг для подготовки отражения русских атак, но зимовать отправился в Турку. Он догадывался о том, что военная подготовка шведов находится в скверном положении, а враг представляет большую угрозу. В январе 1556 г. русские выступили большим войском на Карельский перешеек. Русские отряды, однако, удовлетворились разорением сельских поселений, не посягнув на завоевание Выборга. Захват нищих финских территорий вовсе не интересовал Ивана IV. Шведский король обвинял в поражении всех, кроме себя: финскую знать — за ненадлежащую подготовку, крестьян — за самовольные военные вылазки и непослушание. Король настолько опасался русских, что в марте перебрался из Турку на Аландские острова, хотя русские к тому времени уже отзывали свои отряды за пределы вражеских границ.

Густав Ваза пытался завоевать расположение Ивана IV, предложив объединить силы против турок, врагов России и всего христианского мира. Он же ранее подстрекал татар вторгнуться в русские владения. Главным камнем преткновения на пути к заключению мирного договора было то, что, как считал заносчивый Иван Грозный, низкий по происхождению Густав Ваза, вззошедший на престол в результате выборов, должен был провести переговоры о мире с новгородским наместником. В 1557 г. стороны все же заключили договор на 40 лет, а через два года условились провести официальные границы. Договор обсудили и поставили печать в Москве, а новгородского наместника Иван уполномочил поставить подпись — так обеим сторонам удалось сохранить лицо. На обратном пути из Москвы епископ Микаэль Агрикола скончался от болезни.⁴

Установление границ по Ореховецкому мирному договору и раздел незаселенных территорий оказались вытеснены более важными вопросами, так как организационные структуры Ливон-

⁴ Heikki Kirkinen. *Karjala taistelukenttä: Karjala idän ja lännen välissä*. II. Hist. Tutk. 99. Helsinki, 1976. S. 44–105; Kimmo Katajala. *Viipurin Karjala rajamaakuntana: Viipurin läänin historia 1534–1617* // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. Lappeenranta, 2010. S. 113–138, 160; Harison & Eriksson. Op. cit. S. 345–349; John Lind. *Omkring de svensk-russiske forhandlingar 1537, 1339-traktaten og Nødeborgsfreden* // *Historisk Tidskrift för Finland*. 70, 1985, 1. S. 1–22.

ского ордена постепенно распадались, и страны-соседи, в числе которых была Россия, Речь Посполитая, Швеция и Дания, готовились извлечь из этого максимальную выгоду и хорошо поживиться. Иван Грозный начал войну, захватив в 1558 г. Нарву и Дерпт (нын. Тарту). Поначалу в планы русских отрядов входило обширное разрушение. Кроме обычного денежного вознаграждения воинам разрешали грабить местное население. Целью такого разорения было также не позволить врагу использовать ресурсы завоеванных земель и сами земли для нанесения ответного удара. Таллинские и эстляндские объединения знати попросили убежища у Швеции в 1561 г. и присягнули на верность королю Эрику XIV. Эрик надеялся сохранить хорошие отношения с Россией, хотя его стремление управлять обеими частями Финского залива и контролировать русскую торговлю находилось в противоречии с интересами Москвы. До этого Густав Ваза назначил младшего брата Эрика Юхана герцогом Финляндским, чтобы предоставить Москве подходящего человека для переговоров с навязываемым шведам новгородским наместником — сам король не желал унижаться до переговоров с вассалом. Юхан женился на сестре польского короля Катерине Ягеллонке, к которой тщетно сватался в свое время Иван Грозный. После того как Эрик заключил под тюремную стражу своего младшего брата, Иван IV потребовал отдать ему Катерину. Иван Грозный был к тому времени уже женат, но его целью было отомстить за полученный когда-то отказ и, кроме того, использовать Катерину как заложницу для шантажа против Польши.

Юхан отстранил брата от трона и стал шведским королем в 1569 г. В следующем году Швеция и Россия вступили в новую войну. В 1571–1573 гг. между двумя правителями и соперниками в сватовстве велась яростная словесная полемика. В письме к Юхану III Иван Грозный утверждал, что по отцу Юхан происходил из некой деревни в шведской провинции Смоланд. Он также говорил в письме, что взаимодействовать с королевством, о котором до Густава Вазы в России и не слышали, может лишь находящийся в подчинении у царя Новгород. В своем ответном письме Юхан настаивал на дворянском происхождении рода Вазы и называл Ивана безбожным обманщиком и тираном. К тому же шведский король писал, что если бы не знал наверняка, то подумал бы, что отец Ивана Грозного происходил не из великих князей, а был монахом или скитальцем, так как, судя по стилю письма, Иван вырос в крестьянской или бродяжнической среде.

В 1581 г. Юхан III добавил к своему королевскому титулу звание Великого князя Финляндского. Финляндия, однако, не приобрела

с этим титулом никакого особого положения в составе Швеции. Уже в 1575 г. между уполномоченными двух правителей Юхана и Ивана был заключен промежуточный мир, поэтому Финляндии не было надобности противопоставить Новгороду на переговорах, чтобы шведскому королю не пришлось общаться с новгородским наместником. Главной целью создания Великого княжества Финляндского было повысить статус и значимость Швеции на внешнеполитической арене. Когда в 1809 г. Финляндия присоединилась к России, высшее бывшее среди титулов шведского короля звание, Великий князь Финляндский, определило то, что Финляндия стала Великим княжеством, которое теперь подчинялось России. Стоит отметить, что титул шведского короля был значительно урезан еще в 1720 г., когда из него было, в том числе, изъято звание Великого князя Финляндского.

Сил у русских не хватало ни на бои со Швецией и Польским королевством, ни на борьбу с татарами. Многонаселенная и более зажиточная, чем Швеция, Польша была главным врагом, с которым шла борьба за владение ливонскими и литовскими землями. Война шла с перерывами, но в конце концов в 1580 г. шведы завоевали Корелу (швед. Кексгольм), а в следующем году — Нарву и западную часть Ижорской земли. Во время захвата Нарвы шведы уничтожили 4 тысячи русских солдат и городских жителей. Шведские методы ведения войны были такими же жестокими, как и методы русских. С одной стороны, иная вера, культура и обычаи, а с другой — тактика сжигания поселений дотла, которой, по указке Ивана III и его внука Ивана IV, со всей строгостью придерживалось русское войско в Прибалтике, породили сначала в среде прибалтийских немцев, а затем и среди шведов представление о русских как о надменном, варварском, безнравственном и ненадежном народе. Это мнение о русских, навязанное пропагандой, бытовало в Европе и в более поздние эпохи.

В 1582 г. во время действия временного мирного договора Россия была вынуждена признать Польшу властительницей Лифляндии (современная Южная Эстония и Северная Латвия). В следующем году Москва заключила перемирие со шведами на три года. Нарва, центральная часть Ингерманландии (Ижорской земли) и Кексгольмский лен (Корельский уезд) остались во владении Швеции. Затем перемирие продлили до 1590 г. Война между Швецией и Россией велась не только в Прибалтике и Ингерманландии, но затрагивала и финские и карельские земли, находившиеся по обе стороны от границ Ореховецкого мира. В этой войне в беспощадных разорениях и грабежах наряду

с солдатами участвовали и обычные крестьяне, которые подчас учиняли собственные акты возмездия. Помимо этого, в 1570 г. опричники, члены созданного царем чрезвычайного органа управления, сожгли дома в погосте Кирьяж (фин. Куркийоки) и убили царских верноподданных. Иван Грозный умер в 1584 г., так и не став повелителем Лифляндии. По мнению русско-шведского исследователя Александра Кана, поражение русских было вызвано дипломатической неосведомленностью Ивана Грозного, его стремлением вести войну на нескольких фронтах и его болезненной манией величия. Отметим также, что недугом под названием «мания величия» страдали и многие шведские правители.

Изменились маршруты торговых путей и инициатива в купеческом деле, а также поменялись активные «деятели» торговли. В Балтийское море пришли голландцы, дабы оспорить германское торговое господство, шедшее на спад. В 1550-х гг. англичане открыли прямой торговый маршрут в Россию через Белое море, которому не могли угрожать шведы. Намерения Юхана контролировать торговый путь в Северном Ледовитом океане, за неимением необходимых военных и экономических ресурсов, были утопическими. Русские с большей охотой направляли свои товары в Белое море и в Ригу, находившуюся в руках поляков, а не в принадлежавшие шведам Нарву, Таллин или Выборг. Представления о том, что Эрик и Юхан руководствовались сознательным стремлением закрепить за Швецией статус великой державы и установить господство на Балтийском море (*dominium maris Baltici*), основываются уже на выводах, полученных при анализе более поздних событий.⁵

Сын Юхана III Сигизмунд был избран польским королем в 1587 г. Сын Ивана IV, царь Федор был одним из двух претендентов на польский престол, которые не были избраны. В 1590 г. Россия снова вступила в войну против Швеции, практически завоевав Нарву. Чтобы спасти город, комендант осмелился самовольно объявить перемирие. Город остался в руках шведов,

⁵ Kirkinen. Karjala taistelukenttänä. S. 105–149; Katajala. Viipurin Karjala raja-
maakuntana. s. 139–184; Ruslan G. Skrynnikov. Ivan the Terrible. Gulf Breeze,
FL, 1981. Pp. 49–57, 131–133, 177–179, 183–193; Kan. Op. cit. S. 47–53,
153–154; Lars-Olof Larsson. Arvet efter Gustav Vasa: En berättelse om fyra
kungar och ett rike. Stockholm, 2005. S. 61–76, 199–219; Torbjörn Eng. Det
svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till
Bernadotte. Studia Historica Upsalensia 201. Stockholm, 2001. S. 118–150;
Kari Tarkiainen. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Jul-
masta Pietari Suureen. Hist. Tutk. 132. Helsinki, 1986.

но крепости Ивангород и Копорье в Западной Ингерманландии отдали русским. Позднее шведы осуществили пару военных походов в окрестности Новгорода. В 1593 г. стороны заключили перемирие и по прошествии двух лет подписали Тявзинский мир, согласно которому Швеция смогла сохранить в своем владении всю Эстонию вплоть до Нарвы. В ответ шведы согласились отдать Кексгольм и прилегающий к нему лен русским. Ингерманландия к тому времени уже принадлежала царю. Договор наложил также некоторые ограничения на торговлю русских через Финский залив. Под давлением шведской стороны границу между принадлежавшей шведам Финляндией и Корельским уездом (у шведов Кексгольмский лен) провели чуть восточнее границ Ореховецкого мира. К северу от Корельского уезда граница по большей части проходила там, где и теперь располагается финско-русская граница. С самого севера новая граница проходила через озеро Инари к Варангер-фьорду, или Варяжскому заливу, в Баренцевом море. Россия не утвердила Тявзинского мира, но, тем не менее, его условия соблюдались.

После смерти Юхана III в конце 1592 г. Сигизмунда короновали на шведский престол. В последующие годы в Швеции шла междоусобная война между католиком Сигизмундом и младшим братом Юхана Карлом. В 1599 г. Сигизмунд потерял шведскую корону, и его дядя вступил на шведский престол в 1603–1604 гг. Финские наместники и знать поддерживали Сигизмунда, пока Карл не подавил местное сопротивление на рубеже веков. Карл был так же беспощаден к своим противникам, как и Иван Грозный, но в отличие от него приказал казнить лишь знатных врагов, отказавшись от создания органа массового террора, каковым являлась опричнина. Наместника короля в Финляндии Акселя Столарма помиловали прямо на месте казни. Позднее он шутил, что его казненные друзья, не встретив его на небесах, должно быть, решили, что он попал в ад.

В финско-националистической историографии первой половины XX в. было принято превозносить уничтоженную Карлом финскую знать и называть ее представителей выразителями национальных интересов и сторонниками дальновидной восточной политики, тогда как речь шла лишь о жертвах династических распрей за право власти. Высокие налоги, размещение солдат в так называемых крепостных лагерях, бывших на содержании крестьян, и подстрекательство самого Карла вызвали крестьянское восстание против наместника и знати, которое было жестоко подавлено. Подавление восстания финских крестьян достигло

масштабов массового террора. Сторонники уже упоминавшегося течения историографии все же рассматривали Дубинную войну 1596–1597 гг. как показатель того, что утомленный войной и «недалновидный» народ не понимал политики финской знати, направленной против России, и не осознавал всей значимости обороны восточных границ. Многосторонняя политическая история конца XVI в., проходя сквозь призму взгляда современника начала XX в., приобретала характер «восточного вопроса». В основе подобного толкования лежали недавно приобретенная Финляндией независимость и связанный с этим обстоятельством страх перед Страной советов.

Сигизмунд, Карл и финляндский наместник сохраняли Кексгольмскую крепость от выдачи русским вплоть до 1597 г. Шведский король Карл IX в период своего правления воевал главным образом с Польшей и Данией, но по большей части неудачно. Из намерения Карла и его соратников завладеть Архангельским торговым путем и расширить влияние вплоть до Северного Ледовитого океана за счет датчан и русских ничего не вышло. Россия попыталась воспользоваться распрей между Сигизмундом и Карлом и настроить Польшу и Швецию друг против друга. Однако в конце XVI — первые годы XVII в. в России началось Смутное время, в результате которого государство стало пешкой в руках Польши и Швеции.

Швеция пообещала в 1609 г. направить войско на помощь Василию Шуйскому, чтобы усмирить других претендентов на престол. Россия признала Тязвинский мирный договор и пообещала отдать шведам Корельский уезд и Корельскую крепость в случае оказания помощи Василию Шуйскому. Вспомогательный отряд, состоявший преимущественно из финских солдат и наемных воинов из Европы, дошел до Новгорода и затем уже вместе с русскими солдатами — до Москвы. Поход, тем не менее, не увенчался успехом, так как солдаты взбунтовались из-за задержки выплаты жалования, и в результате поляки победили шведов и их русских союзников. Вмешательство Польши во внутренние дела России было даже более бесцеремонным, чем шведские влияния. Так, сын Сигизмунда Владислав, который приходился правнуком Густаву Вазе, был даже некоторое время русским царем. В 1613 г. сословно-представительский Земский собор все же избрал русским царем Михаила Романова.

Шведы намеревались получить причитающееся им любой ценой. В 1610 г. они захватили большую часть Корельского уезда и осадили Корельскую крепость, которая следующей весной капи-

тулировала. Крепости, находившиеся в ингерманландских землях, также оказались в руках Швеции. В 1611 г. шведские войска завладели Новгородом. Это подтвердило превосходство шведского короля, поэтому было самое время избрать шведского принца Великим князем, однако в 1611 г. король Карл IX скончался. Его старшего сына Густава Адольфа, которому было всего 17 лет, провозгласили новым королем. Мать Густава Адольфа, вдова усопшего короля, не хотела, чтобы ее второго младшего сына, 10-летнего Карла Филиппа, отправляли править беспокойной Россией. Поначалу король Густав II Адольф собирался сам стать русским царем и создать так называемую персональную унию между Швецией и Россией, но затем ослушался мнения матери и подумал о младшем брате как о лучшей кандидатуре на роль русского царя. Швеция так долго оттягивала принятие решения и отъезд Карла Филиппа в Россию, что бывшая у шведов возможность буквально ускользнула из их рук. Но власть над Северной Россией интересовала Швецию больше, чем сам русский престол.

Русско-шведская война 1570–1595 гг. знакома в Финляндии под названием *Долгой вражды* (фин. «*Pitkä viha*»). У этого имени более прочная фактическая основа, чем у названия *Большая русская вражда*, которое было распространено во времена самого Ивана III, если принимать в расчет тот факт, что жертвами войны стали в том числе и жители вражеских русских земель. Шведские военные отряды и финские крестьяне совершали разрушительные грабительские набеги вплоть до Онежского озера, побережья Белого моря и поселений Печенги и Колы. Те же походы продолжились и в 1610-х гг. К тому же во время завоевания Швецией Корельского уезда в тех землях началась опустошительная партизанская война против захватчиков. Партизаны не особенно отличались своим поведением от лесных разбойников. Помимо этого в 1612–1615 гг. с несколькими военными походами в карельский Олонец, земли за Онежским озером и Архангельск выступили польско-литовские татары. Русские и карелы, бывшие подданными России, в свою очередь держали в страхе и опустошали грабительскими набегами принадлежавшую шведам область Карельского перешейка, побережье финской области Нюланд (северное побережье Финского залива до Хельсинки), а также область Саво (Саволакс) и Северную Эстерботнию.⁶

⁶ Kirkinen. Karjala taistelukenttä. S. 150–284; Katajala. Viipurin Karjala rajamaakuntana. s. 184–214; Mirkka Lappalainen. Susimessu: 1590-luvun

За период 25-летней войны в Выборгском лене было уничтожено почти 25 процентов всех крестьянских хозяйств, по той же самой причине уменьшилось население области. Размеры потерь были еще более ужасающими в Эстонии, Ингерманландии и Корельском уезде. За 25 лет более трети или даже почти половина всего эстонского населения погибла, 88 процентов населенных территорий Корельского уезда были в 1590 г. опустошены, да и в Ингерманландии положение было не намного лучше. Поляки и шведы уничтожили Россию, а междоусобная война еще глубже погрузила страну в хаос. Причина разорения крестьянских хозяйств крылась еще и в неурожайных годах и высоких военных налогах. Методы ведения войны русскими на вражеских землях почти ничем не отличались от поведения соперников, разве что тем, что русские и состоявшие у них на службе казаки и татары брали в плен мирных жителей (в том числе женщин и детей) и уводили их с собой в Россию, чтобы продать их в рабство или в услужение богатым господам. Рабство было в ту пору типичным явлением в России и еще более распространенным делом в среде татар.

В результате военных действий города, уезды и их население перешли от одного правителя к другому на высшем государственном уровне. Для простого народа война означала лишь выжженные деревни и сгубленные жизни. Восточная Финляндия, русская Карелия, Ингерманландия и Эстония подверглись беспощадному уничтожению в конце XVI — начале XVII в.⁷

Великодержавное время 1617–1700 гг.

По Столбовскому мирному договору (1617) Россия отдала Швеции Ингерманландию и Корельский уезд, который с этих пор

sisällissota Ruotsissa ja Suomessa. Helsinki, 2009; Larsson. Arvet efter Gustav Vasa. S. 279–299, 336–439; Ruslan G. Skrynnikov. The Time of Troubles: Russia in Crisis 1604–1618. Gulf Breeze, FL, 1988; Kan. Op. cit. S. 53–62. Карл Филипп как претендент на царский престол: Sverker Oredsson. Gustav II Adolf. Stockholm, 2007. S. 56–57.

⁷ Anssi Mäkinen. Viipurin läänin asutus sotien jaloissa // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. S. 217–238; Книга того же автора: Linnaleirit ja vainovalkeat: Viipurin läänin asutus kaksikymmentäviisivuotisen sodan (1570–1595) jaloissa. Bibliotheca historica 73. Helsinki, 2002. Рабство на Руси: Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. Сочинения в девяти томах. Т. III. М., 1988. С. 153 и след.; Richard Hellie. Slavery in Russia 1450–1725. Chicago & London, 1982.

стал называться Кексгольмским леном. Москва была вынуждена согласиться на это, чтобы в обмен получить ранее захваченный шведами Новгород. Посредником мира выступил представитель английского короля, так как Англии было важно, чтобы в руки шведов не попали торговые пути в Северном Ледовитом океане. Этот мирный договор изолировал Россию от Финского залива, все побережье которого попало во власть шведов. На шведских территориях русские были обязаны вести торговлю со шведскими подданными, которые были их неотъемлемыми посредниками в международной торговле.⁸

Начиная с периода правления Густава II Адольфа (1611–1632), Швеция стала североевропейской великой державой. Ее особый статус во многом основывался на слабости окружающих ее Дании, Польши и России. Запасы меди и железа, эффективное использование ресурсов страны (высокое налогообложение) и прекрасные правители, в особенности Аксель Оксеншерн и молодые энергичные полководцы, постепенно превратили бедную малонаселенную северную страну в господствующее государство балтийского региона. В 1629 г. Польша уступила Швеции Лифляндию. В результате 30-летней войны с 1648 г. шведский монарх управлял некоторыми из северогерманских областей. В 1645 и 1658 гг. Дания была вынуждена отказаться от некоторых своих уездов и областей в пользу Швеции. Таким образом, нынешние южные области Швеции перешли к ней от Дании. Завоеванные территории, различные по своим правам и обязанностям, присоединились к ядру государства, формируемому Швецией и Финляндией. Ни у одной из новых территорий, тем не менее, не было права отправлять своего представителя в шведский риксдаг, и их, в отличие от центральных областей (Швеции и Финляндии), не касался военный призыв (рекрутская повинность). Завоеванные территории также находились за пределами шведско-финской таможенной области. Бывшие датские земли все-таки стали полностью интегрированной частью Швеции.

Швеция была уникальной европейской страной в том отношении, что наряду с дворянством, духовенством и горожанами она давала право выдвигать своих представителей в риксдаг и крестьянам. Правительство использовало риксдаг, чтобы заполучить согласие представителей разных сословий на введение новых

⁸ Sveriges traktater med främmande magter. V: 1. Stockholm, 1903. S. 242–269 (Столбовский мирный договор); Katajala. Viipurin Karjala rajamaakuntana. S. 214–216.

налогов и поборов. Крестьяне мало влияли на законодательство и налогообложение, но они извлекали собственную пользу из участия в риксдаге, доводя различные ходатайства до сведения государя. Крепостное право так и не укоренилось ни в Швеции, ни в Финляндии,⁹ в отличие от Эстонии и Лифляндии, куда крепостное право пришло в XVII в.

В бывших русских землях Ингерманландии и Кексгольмского лена соблюдалось шведское законодательство и юридическая практика, в отличие от Эстонии и Лифляндии, где было собственное, контролируемое дворянскими объединениями законодательство. Шведское городское законодательство не соблюдалось ни в эстонских, ни в ливонских крупных городах, подобных Таллину и Риге. Через несколько десятилетий в 1642 г. Ингерманландия и входивший в ее состав Кексгольмский лен образовали единую губернию. Генерал-губернатор был достаточно уважаемым государственным человеком, который мог на равных общаться с новгородским и псковскими воеводами и польскими властями. В Ингерманландии проходили собственные сословные соборы, представителями на которых могли выступать только знатные владельцы дарственных земель (прибывшие из шведских и германских земель, а также русские бояре) или их наместники. Правительство также совещалось о новых налогах и оброках с ингерманландскими городами. Местных крестьян правители считали настолько незначительными и ничтожными, что не было даже устойчивых форм ведения переговоров с представителями из крестьянства. В этом отношении Ингерманландия напоминала Эстонию и Лифляндию. Швеция не позволяла «привязывать» крестьян к земле, и, тем не менее, их положение было хуже, чем положение крестьян в Швеции и Финляндии.¹⁰

В XVI–XVII вв. чрезвычайно важное место занимала религия. Вера, культура и сословная принадлежность, а также подданство определяли идентичность более, чем язык или национальность. Современного понятия о национальности и вовсе не существовало. Новые жители Ингерманландии и Кексгольмского лена, исповедовавшие православие, были для лютеранской Швеции

⁹ См.: Nils Erik Villstrand. Sveriges historia 1600–1721. Stockholm, 2011.

¹⁰ Antti Kujala. Viipurin Karjala, Käkisalmen lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudella 1617–1710 // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. S. 348–350. Помимо этого моя статья: Det svenska riket och dess undersåtar i Ingermanland och i Kexholms län på 1600-talet (1617–1658) // Historisk Tidskrift för Finland. 96, 2011, 2. S. 132–136. Об Эстонии и Лифляндии см.: Seppo Zetterberg. Viron historia. Helsinki, 2007. S. 182–216.

большой проблемой, и их считали «пятой колонной» русских. Столбовский мирный договор не гарантировал православным свободу вероисповедания, но, тем не менее, Швеция полагала, что бывшие русские подданные ее получили. Насильственное крещение не входило в число методов шведской короны. В 1617 г. этнически русским жителям Ивангорода в качестве привилегии пожаловали свободу вероисповедания, которая, несмотря на официальное постановление, соблюдалась в городе хуже, чем в отношении родственных финнам крестьян-ижорцев и племени водь в Ингерманландии и карел в Кексгольмском лене.

Король Густав II Адольф запретил православным приходам Ингерманландии и Кексгольмского лена брать на место скончавшегося или переехавшего в другой приход священника того, кто принял сан в России. Король не имел цели лишить православных в тех областях своих собственных священников, а лишь хотел воспрепятствовать тому, чтобы местное духовенство имело какие-либо связи с русским соседом. Вопрос, таким образом, касался не религии, а политики. В 1625 г. Густав II Адольф пообещал, что православные получают собственного митрополита, который будет вступать сан в Константинополе. Митрополит венчал новых священников. Ни русские жители Ивангорода, ни карелы из Кексгольмского лена не проявили особого энтузиазма к милостивому предложению короля, так как не хотели обрывать всех связей с русской церковью. В то же время и король, и сами православные понимали, что это был первый шаг на пути к лютеранству.

В 1630 г. шведский король посетовал на то, что в Кексгольмском лене все еще оставалось 17 православных священников и 48 церквей (то есть 31 церковь без своего священника) и всего 6 лютеранских пасторов и 8 церквей. Лютеранские приходы следовало основывать в каждом погосте, а православных священников заменять лютеранскими, но без принуждения. Король с помощью основания лютеранских церквей намеревался склонить православное население к господствующей в Швеции религии. В 1635 г. правительство постановило, что православные жители Кексгольмского лена должны участвовать в постройке лютеранских церквей в каждом погосте вместе с финскими переселенцами-лютеранами. По крайней мере, в нескольких областях местные власти пытались принудить православное население к венчанию или к крещению их детей по лютеранским канонам.

В 1637–1640 гг. генерал-губернатор Финляндии и обоих частей Карелии (входящего в состав Финляндии Выборгского лена

и Кексгольмского лена) Пер Браге немного смягчил религиозную политику и назначил православным священникам денежное вознаграждение за проповедничество лютеранского катехизиса, но размер этого вознаграждения был все же меньше, чем у лютеранских пасторов. Пер Браге пытался создать своего рода вторую государственную церковь, которая посредством финского языка и лютеранских молитв могла бы обратить молодое православное поколение в лютеранскую веру. Православные священники, поддерживавшие линию Браге, получали гонорары за проповеди вплоть до конца 1640-х гг. Однако вззошедшая на шведский престол в 1644 г. королева Кристина начала щедро раздавать дворянам дарственные земельные наделы, в том числе большие графства и владения баронов, в Кексгольмском лене, с которых они могли удерживать большую часть причитавшихся королевской казне налогов. Поэтому с сокращением дохода от налогов шведская корона прекратила выплачивать православным священникам вознаграждение за чтение молитв.

Кексгольмский лен входил в Выборгскую лютеранскую епархию, но, начиная с 1641 г., в Ингерманландии была введена должность суперинтенданта, соответствовавшая должности епископа. Нетерпимый и властолюбивый суперинтендант Генрих Шталиус активно вмешивался в назначение священников в православные церкви Ивангорода. Русские жители Ивангорода полагали, что он всеми способами стремился искоренить православное вероисповедание, что, несмотря на некоторое преувеличение, было недалеко от истины. В наказание за выраженное недовольство в 1646 г. жителей Ивангорода переправили через реку в город Нарву и подчинили местному городскому управлению, которое подвергло их всеческой дискриминации и унижению. В вероисповедании были также свои ограничения. В 1642–1651 гг. православное население Ингерманландии было вынуждено платить лютеранским пасторам за обряды крещения, венчания и отпевания, хотя осуществляли их не лютеранские, а православные священники. Православные крестьяне из родственных финнам народов не протестовали так сильно, как это делали местные русские горожане. Крестьяне, занимавшиеся подсечно-огневым земледелием, отреагировали на возникшие трудности, покинув свои земли.

Уровень налогообложения среди крестьян Ингерманландии и Кексгольмского лена до начала 1630-х гг. подняли до размеров налогов Швеции и Финляндии. Густав II Адольф и вовсе увеличил налоги до такого уровня, чтобы крестьянам не оставалось ничего, кроме минимальных средств к существованию. Причиной

повышения налогов послужили шведские войны против Польши в 1620-х гг. и последовавшая затем так называемая 30-летняя война Германии (1618–1648), к которой Швеция присоединилась в 1630 г. Было естественным то, что возвращение к нормальной жизни (возобновленное использование участков для земледелия) в Ингерманландии и Кексгольмском лене отразилось и на уровне налогов. Мысль о том, что жителей завоеванных земель стоило обложить умеренными налогами, была чужда Швеции. В шведском государстве не могло быть других «нахлебников», кроме освобожденной от земельного налога знати. Однако налоги другого рода настигли шведское дворянство уже в XVII столетии.

Низкие температуры и другие аномальные погодные явления маленького Ледникового периода достигли своего максимального значения в XVII в. 1630–1640-х гг. были ознаменованы несколькими неурожайными годами. Религиозное притеснение и жестокие налоги стали причиной переселения православных из Ингерманландии и Кексгольмского лена в Россию в 1620-х гг., а повторявшиеся неурожаи лишь усилили этот процесс. В то время границы охранялись довольно слабо, поэтому у шведов не было средств, чтобы сдерживать поток православных беженцев, не говоря уже о его прекращении. Православные крестьяне, жившие в ингерманландских и кексгольмских областях, практиковали частично подсечно-огневое земледелие, поэтому они были привычны к кочевой жизни и не были привязаны к возделываемым полям. Единственным, что им нужно было взять с собой, была их семья, небольшое движимое имущество и скот.

Русские дворяне и монастыри уговаривали православных из Швеции переехать в русские земли и обещали временно освободить их от выплаты налогов. Ранее переехавшие в Россию также советовали родственникам последовать их примеру. Из-за постоянного переселения туда-обратно информация хорошо распространялась за пределы границы.

Согласно Столбовскому мирному договору, стороны не имели права переманивать в свои земли подданных друг друга. Перебежавших через границу изменников, убийц и воров необходимо было возвращать в то государство, чьими подданными они являлись. Отношения между Швецией и Россией в первые годы после заключения Столбовского мира были относительно неплохими. Россия согласилась в свое время выдать Швеции перебежчиков с семьями, как, например, и произошло в 1636 г. Возвращение перебежчиков было, однако, скорее символическим актом, так как касалось сотен людей, тогда как переселялись из Швеции

в Россию тысячами. В 1649 г. Россия согласилась выплатить Швеции компенсацию за тех перебежчиков, которые переехали в русские земли до 1 сентября 1647 г., чтобы таким образом им не нужно было возвращаться обратно в Швецию. Тех же, кто выехал из шведских земель после этой даты, следовало вернуть под власть соседей. Так, Россия примирила Швецию, которая после завершившего 30-летнюю войну Вестфальского мира (1648 г.) потенциально была готова ввязаться в новую войну хотя бы и против своего восточного соседа.¹¹

На практике Россия задерживала у себя большую часть переселенцев и не прекращала их бессовестную агитацию. С помощью показных выдач перебежчиков шведов хотели просто-напросто задобрить. Из Речи Посполитой, почти 40 процентов населения которой составляли исповедовавшие православие белорусы и украинцы, шло переселение в Россию, целью которого было избежать жестокого крепостничества и религиозного притеснения. Перебежчикам, переселившимся в русские земли до войны 1656–1658 гг., принципиально не разрешалось селиться вблизи границы, чтобы шведы не могли получить от них какие-либо данные и не потребовали вернуться. Большая часть беженцев осела на монастырских землях, а меньшинство православных перебежчиков обосновались на территориях, принадлежавших знати. Крепостное право в России окончательно закрепилось в 1649 г. Крестьяне, пребывавшие под властью царя или частного помещика и взявшие долг у своего хозяина, были, без сомнения, привязанными к земле крепостными, хотя они во многом и сохранили обычаи кочевников.¹²

В последовавшие после заключения Столбовского мирного договора годы Россия считала своим главным врагом Польшу и тщетно пыталась заполучить союзника в лице Швеции. Шведы также надеялись на сотрудничество с Москвой, но, с другой

¹¹ Kujala. Viipurin Karjala, Käkisalmen lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudella 1617–1710. S. 243–262, 267–282, 290–312, 317–322, 328–343, 347–348, 351–354.

¹² Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. 1941. № 11. С. 243–246; Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 66–71. Переселение из Польши: Ключевский. Указ. соч. С. 96–103. Зарождение крепостного права на Руси: Там же. С. 153–175; Jerome Blum. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ, 1961. Pp. 242–276; David Moon. The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made. London & New York, 1999. Pp. 66–70.

стороны, они имели и серьезные подозрения в отношении своего восточного соседа. Чужая культура и недавние войны только подпитывали эти опасения. В России стали настолько симпатизировать Швеции, что победу Густава II Адольфа в битве при Брейтенфельде осенью 1631 г. даже отмечали в Москве.¹³

В ослабленной Речи Посполитой в 1650-х гг. сложилась ситуация безвластия, привлекавшая коварных соседей. В 1654 г. Россия развязала войну, чтобы защитить мятежных украинских казаков и завоевать территории вплоть до Балтийского моря. Шведский король Карл X Густав развернул военные действия против Польши в 1655 г. и дошел со своими отрядами до центра страны. В июне 1656 г. русские войска вторглись на шведскую территорию. Они снова попытались отбить у шведов Ингерманландию и Кексгольмский лен и привлечь в этом направлении как можно больше вражеских военных сил. Действительной же мишенью для завоевания была Лифляндия. После завоевания Тарту с Польшей было заключено перемирие осенью 1656 г.

Русским не удалось завоевать ни крепость Орешек (Нотебург), ни форт Кексгольма, и осенью они покинули территории Кексгольмского лена и Ингерманландии ни с чем. В следующем году военные действия в русском Олонце, Кексгольмском лене и на востоке Ингерманландии велись довольно вяло. В конце 1657 г. и начале следующего года русские захватили западную Ингерманландию и восточную Эстонию. Россия и Швеция заключили перемирие в мае 1658 г., а в декабре того же года — временный трехлетний мир. Заключенный между двумя странами в 1661 г. Кардисский мирный договор утвердил довоенные границы, то есть условия Столбовского мира.¹⁴

Значительная часть православных Ингерманландии и Кексгольмского лена перешли во время войны на сторону врага, и когда русским не удалось удержать эти земли под своей властью, то примерно 14 тысяч карел из Кексгольмского лена и 6,5–7,5 ты-

¹³ Kan. Op. cit. S. 63–68; B. F. Porshnev. Muscovy and Sweden in the Thirty Years' War, 1630–1635. Cambridge, 1995; Nils Ahnlund. Gustav Adolf the Great. Princeton, NJ, 1940. Pp. 228–234.

¹⁴ Jussi T. Lappalainen. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656–1658 Suomen suunnalla. Jyväskylä, 1956; Rainer Fagerlund. Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661 // Kriget på östfronten. Arne Ståde (red.). Carl X Gustaf-studier 7:1. Vaasa, 1979; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 236–279; тот же автор: Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. 1945. № 16. С 14–57.

сяч ингерманландских православных и менее тысячи лютеран последовали за русскими добровольно или в качестве пленников. С 1620-х гг. до начала войны из Кексгольмского лена в Россию переехало почти 15 тысяч православных. Всего за 40-летний период из Кексгольмского лена уехало в общей сложности около 29 тысяч человек. Население лена в 1690 г. составляло около 50 тысяч человек. Около 1630 г. количество местных жителей было не намного меньше этой цифры. На место уехавших прибыли лютеране из восточных областей Финляндии, так что в конце XVII века население Кексгольмского лена, за исключением нескольких самых восточных погостов, было полностью лютеранским. Православные жители племени водь и ижора составляли большинство лишь в западной части Ингерманландии.¹⁵

Часть православных жителей шведских земель последовала за русскими добровольно, часть — по принуждению. Например, карельское купечество удалось переселить из Сортавалы в Олонец лишь насильно. Чтобы прекратить неповиновение, русские арестовали одного из их главарей как шпиона и отправили его под стражей в Москву.¹⁶ В конце войны русские захватили в плен мирных жителей западных ингерманландских земель и увели их за собой в Россию, то есть их переезд было далеко не добровольным.¹⁷ Тем же, кто слишком рьяно принял сторону врага,

¹⁵ Veijo Saloheimo. Inkerinmaan asutus ja väestö 1618–1700 // Inkeri: Historia, kansa kulttuuri. Helsinki, 1992. S. 67–82; Неопубликованные данные Сало-хеймо о переселении из Кексгольмского лена; Erkki Kuujo. Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun // Inkerinsuomalaisen historia. Jyväskylä, 1969. S. 63–70; Kimmo Katajala. Nälkäkapina: Veronvuokraus ja talonpoikainen vastarinta Karjalassa 1683–1697. Hist. Tutk. 185. Helsinki, 1994. S. 77. По той или иной причине Гадзяцкий (1945) считал православных Ингерманландии этнически русскими, хотя большая часть сельского населения православных в тех землях были по происхождению ижора или водь. У них действительно были русские имена, но многие из этих «русских» совсем не говорили по-русски или владели лишь азами русского. В отношении веры они все же были русскими. Настоящего русского населения в Ингерманландии было мало, а в Кексгольмском лене русских и вовсе не было.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. оп. 7М. Разрядные столбцы Приказного стола. Стб. 301. 1656 г. Переписка Разряда о военных действиях против шведов с стольным П. М. Пушкиным. Лл. 173–181, 188–190, 194–196, 201–205, 207–209. Стб. 952. 1656 г. л. 153; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 251, 257–60.

¹⁷ Архив Riksarkivet (RA), Stockholm, Livonica II 174, К. Горн Карлу X Густаву 01.03 и 08.03.1658, II 179, С. Г. Гельмфельт правительству 07.05.1670, приложение: Осуществленные Кноррингом слушания. Православный священ-

было разумнее перебежать на русские территории. А у жителей тех областей, которые сохраняли нейтралитет по отношению к военным действиям, не было серьезных причин покидать родные земли.

В лице угнанных в 1656 г. карел русские рассчитывали пополнить не только новых жителей и, следовательно, налогоплательщиков, но и дополнительные военные ресурсы. Очевидно, еще в начале войны в июне 1656 г. царь Алексей Михайлович приказал, чтобы треть жителей Кексгольмского лена перевезли в Россию, а оставшуюся часть (вместе со всеми членами семьи) должны были определить в солдаты. Большинство из угнанных карел, тем не менее, не хотели вливаться в русскую армию, и, как ранее упоминалось, многие из них не желали оставлять дом и переезжать за границу.¹⁸ Во время войны и уже после нее Россия заселяла переселенцами дворцовые земли, разоренные и опустошенные в ходе военных действий против Польши, что выглядит совершенно продуманной политикой со стороны русских. Именно поэтому русские стремились увести за собой как можно больше подчиненного Швеции населения в собственные земли. Переселенцы заняли весь север России, в особенности область между Тверью и Москвой.¹⁹

Парадоксально то, что русское крепостное право не отпугнуло шведских православных, но в любом случае условия жизни во время маленького Ледникового периода были в Тверском уезде лучше, чем в более северных районах Кексгольмского лена и Ингерманландии. Помимо этого вера была той же, да и русские делали все возможное, чтобы заполнить в свои земли новых жителей и удержать их там любыми способами. Похожий процесс переселения наблюдался немного западнее. Из-за неурожаев, которые повлек за собой маленький Ледниковый период, и высоких налогов и воинской повинности значительные группы восточных финнов из крестьян и безземельных перебрались в Эстонию и Лифляндию. Тамошние приусадебные хозяйства были более

ник Ингерманландии, который принял сторону шведов и сильно пострадал за это, будучи пленником русских: *Livonica* II 175, Гельмфельт правительству 15.10.1661, приложение: Гришка Иванов Гельмфельту.

¹⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. I. С 1649 по 1675. СПб, 1830. С. 398; Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 120; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 248–249, 279; Жербин. Указ. соч. С. 71.

¹⁹ Жербин. Указ. соч. С. 70–77.

доходными, чем в Финляндии, хотя переселенцы и попадали под действие местного крепостного права.

Пункт 20 Кардисского мирного договора, заключенного 21 июня 1661 г., постановил, что стороны должны были вернуть друг другу уведенных в собственные земли заключенных, солдат и мирных жителей, кроме тех, что сами изъявляли желание остаться на территории соперника. Русские, однако, добавили к этому пункту договора условие, согласно которому Россия не была обязана возвращать шведам тех переселенцев, которые получили добровольное крещение в православие уже на территории России. В шведоязычном договоре этого дополнения не было, то есть с этой точки зрения соглашение между двумя сторонами было составлено на разных условиях. Шведы подтвердили свое согласие на условия русского варианта мирного договора в Кардисе и снова в 1662 г., но позднее отменили свою санкцию.

Согласно пункту 21 того же договора, Россия не была обязана возвращать перебежчиков, пришедших в русские земли до заключения мира. Однако обе стороны должны были по первому требованию вернуть тех перебежчиков, которые пересекли границы уже после подписания Кардисского мирного договора.²⁰

Согласно русской версии мирного договора, России было не обязательно отдавать Швеции бывших ее подданных, перешедших из лютеранской веры в православную, даже если сам пленный хотел этого. В России существовала такая практика, что иноверцам из простолюдинов, переселившимся в страну, приходилось креститься в православие, что автоматически делало из них русских подданных. Зачастую у них не было другого выбора, кроме как принять крещение и сменить вероисповедание, но русские в свою очередь были убеждены, что выбор этот был вполне добровольным.²¹

После войны на основе различных версий пункта 20 Кардисского мира генерал-губернатор Ингерманландии и псковский

²⁰ Кардисский мирный договор, пункт 20 и 21: ПСЗ. Собрание первое. Т. I. С 524; Suomi 1843. Andra häftet. S. 108–109 (<http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi>). Согласие шведов по вопросу возвращения переселенцев, достигнутое в Кардисе, стало своего рода компенсацией за то, что Россия согласилась вернуть захваченные во время войны города Лифляндии.

²¹ Согласно мнению шведской стороны, те переселенцы-лютеране, которые добровольно приняли православную веру в России, на самом деле были принуждены к этому. Архив RA. Livonica II 170. Эрик Гюлленшерн Кристине 28.05.1644. Также: Газяцкий. Карелия и южное Приволжье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 249.

и новгородский воеводы оспаривали то, каких переселенцев нужно было вернуть на родину. Русские требовали выдачи тех, кто вернулся на территорию Швеции после заключения мира, но, по мнению шведов, эти переселенцы были силой уведены в Россию во время войны и в любом случае должны были иметь право вернуться на родину. После обоюдных угроз, касавшихся вопроса переселенцев, в 1666 г. был достигнут компромисс, но русские умудрились разрушить и это соглашение. В 1660-х гг. число возвращенных переселенцев достигло лишь сотен, хотя во время войны в Россию переселились более 20 тысяч шведских подданных, часть из них принудительно. Россия пыталась удержать на своей стороне новоприбывших крестьян и налогоплательщиков, но в какой-то мере шведские православные все же смогли самостоятельно вернуться в восточные погосты Кексгольмского лена.²²

Незадолго до своей смерти в начале 1660 г. король Карл X Густав выступил против союза государств, куда входили Дания, Польша, Бранденбург и Австрия. Тем не менее в 1659 г. Франция, Англия и поддерживавшая Данию Голландия договорились о возвращении мира между Швецией и Данией, которое осуществилось уже в следующем году. В конце 1670-х гг. Франции удалось внедрить мирный договор между Швецией с одной стороны и Данией и их немецкими союзниками — с другой. Благодаря Франции Швеция смогла сохранить завоеванные двадцатью годами ранее датские области и большую часть немецких земель. Несмотря на это, практикуемая королем Людовиком XIV политика диктата отпугивала Карла XI, который оттягивал принятие решения о заключении союза с Францией. Швеция и Дания в то время сильно зависели от таких европейских держав, как Франция, Голландия и Англия. Интересы двух последних упомянутых морских государств касались, в основном, торговли, и они не были согласны с тем, чтобы какая-либо из прибалтийских стран одна контролировала Балтийское море.²³

В воздухе витало предчувствие опасности. Великодержавный статус Швеции привлекал ее соседей для объединения в союз. Сложившаяся в XVII в. изолированность и военная слабость России, а также войны в области южных границ страны стали

²² Моя статья *Förrädiska ryssar och förrymda finnar*, *Historisk Tidskrift för Finland*, 97, 2012, 4. S. 469–498.

²³ Villstrand. *Op. cit.* S. 134–148, 185–190.

причиной того, что Россия оказалась за пределами этого союза. Но скоро ситуация изменилась.

Население Шведского государства в конце XVII в. составляло по оценкам 3,3 млн человек (1,363 млн человек на территории нынешней Швеции в 1699 г. и 315 тысяч человек на территории Финляндии в 1698 г.). Население России в те же годы составляло 14 млн человек, а Речь Посполитую населяло 9 млн. Из будущих противников Швеции лишь в Датско-норвежском королевстве количество жителей было меньше, чем в Шведском государстве.

Северная война 1700–1721 гг.

В начале 1700 г. саксонские отряды Польского короля Августа II и Дания начали вести агрессивную политику против Швеции. Россия вошла в число противников Швеции в августе—сентябре того же года. Союзники полагали, что Швеция, находившаяся под управлением не достигшего тогда 20-летнего возраста короля Карла XII (род. в 1682) и ослабленная недавним неурожаем, будет для них относительно легкой добычей. В первый 1700 год войны Швеция призвала 24 тысячи финских солдат: 13 тысяч из них в постоянные отряды, большей частью предназначенные для военных действий за границей, и 11 тысяч человек для специальных отрядов, набранных на основе обязательной воинской повинности.

Воинственный король Карл XII продолжал гнуть линию, начатую его дедушкой, королем Карлом X Густавом. Он вел войну за пределами Швеции и смог победить русского, датского и польского противника. В 1708 г. Карл ввел свои войска в Россию и в июне 1709 г. потерпел поражение в битве под Полтавой, после чего был вынужден в течение долгих лет скрываться на территории Османской империи. Полтава стала тем рубежом, который обозначил переход политической гегемонии в Северной Европе к обновленной Петром Первым России.

Король предоставил оборону Прибалтики и Ингерманландии тамошним более слабым по сравнению с русским войском отрядам. В конце 1702 г. Россия завоевала крепость Орешек (Нотебург), а следующей весной — крепость Ниеншанц и всю Ингерманландию. Царь немедленно начал строительство в устье реки Невы города под названием Санкт-Петербург. Основанная недалеко от города Кронштадтская крепость на острове Котлин закрыла от шведского флота единственный фарватер, веду-

щий к Петербургу. Нарва и Тарту сдались летом 1704 г. Нарва и крепости Ингерманландии не смогли остановить натиск врага в одиночку, так как им требовалась существенная поддержка сильной армии, которой не было. Армия Ингерманландии (после ее падения финская армия короля) под управлением пожилого генерала Абрахама Крониорта (род. в 1634) состояла из дополнительно набранных, плохо обученных и слабо снаряженных отрядов, которые не могли оказать должного сопротивления превосходящей их по численности русской армии. Ко времени завоевания Ингерманландии русскими армия Крониорта была близка к истреблению.

Начиная с зимы 1703 г., русские время от времени совершали военные походы на Карельский перешеек и на территорию Кексгольмского лена. Уже в 1700 г., находясь в северной области Кексгольмского лена, русские напали на восточные приграничные погосты и, как и в 1656 г., получили поддержку от шведских православных карел, за исключением тех, что жили дальше от границы. Во время войны стало ясно, что за 40 лет Швеции удалось перекрыть сознание лютеранского датскоязычного населения бывших датских областей в пользу Швеции, тогда как православные карелы и за 80 лет не сумели научиться отождествлять себя с новыми господами. Это подтверждало то, в какой степени вера и религия формировали национальную идентичность. Война в Кексгольмском лене переросла со временем в грабительские походы, осуществлявшиеся небольшими народными военными отрядами и местными жителями, и стоит отметить, что Швеция чаще проигрывала в этих схватках. Зимой 1705 г. русские сожгли Сортавалу.

В 1702–1704 гг. Стокгольм поддерживал оборону Ингерманландии и Финляндии существенными материальными вложениями. Большая часть средств на расходы для ингерманландской и финской армий формировалась контрибуциями (военными налогами) из Финляндии, а оставшаяся или меньшая часть поступала из Стокгольма. Потеряв Нарву, Стокгольм в течение 1705–1706 гг. сократил поддержку финской армии, и тогда большая часть военных ресурсов начала поступать из самой Финляндии.

После поражения генерала в 1703 г. Крониорта главнокомандующим финской армией был назначен генерал-лейтенант Георг Юхан Майдель. В 1704–1705 гг. он предпринял несколько походов в окрестности Петербурга, но так и не смог подобраться к городу, так как его армия из-за плохих дорог не располагала артиллерией и понтонами для переправки через Неву.

Шведский флот пытался дважды в 1705 г. высадиться на острове Котлине, но попытки не увенчались успехом. У шведов было не принято координировать действия флота и сухопутных войск. Зимой 1705 г. войскам Майделя удалось все же временно захватить сам остров Котлин, но не крепость, которая охраняла ведущий в Петербург фарватер. Петербург и Кронштадт стоило бы осадить зимой, когда заледеневшие реки и море не могли стать дополнительным препятствием для шведов. Но Майдель был слишком осторожным предводителем, чтобы завоевывать Петербург. Чем дальше русские обустраивали город, тем сложнее становилось его одолеть.

В соответствии с тогдашними военными стратегиями, Карл XII вел войну за пределами Швеции, в богатых германских государствах и Польше, на плечи которых возложили большую долю военных расходов шведов. Однако уже во времена короля Карла X Густава было подмечено, что едва ли подобный способ ведения войны приводит к желаемой победе. В то же время Швеция была вынуждена уступить свои восточные земли русским. В поле зрения шведов не было ни одной европейской империи, которая при заключении будущего мира была бы способна помочь Швеции заполучить потерянные земли обратно. Ни Голландия, ни Англия не были заинтересованы в том, чтобы Швеция стала господствующей державой на Балтийском море, а равновесие сил и усиление влияния России устраивали их и с политической, и с экономической точки зрения.

Для Государственного совета Швеции или риксрода, управлявшего страной из Стокгольма, и Комиссии по обороне картина состояния восточных земель, начиная с 1700 г., рисовалась в мрачном свете, и представление это полностью соответствовало действительности. Прибалтика, Ингерманландия и Восточная Финляндия могли вот-вот попасть в руки России, военное превосходство которой полностью производило подавляющее впечатление. По оценкам риксрода, после сдачи крепости Орешек осенью 1702 г. положение для Швеции складывалось крайне плачевное. Как считали члены риксрода, король не осознавал той опасности, которая нависла над балтийскими областями. Но еще больше риксрод опасался нового вторжения Дании в Сконе. Это было вовсе не беспочвенное опасение, но из-за слабости, которую Россия проявляла в XVII в., риксрод не осознавал, насколько сильно эта вражеская страна окрепла за последнее время. В ноябре 1702 г. Комиссия по обороне отклонила просьбу направить военное подкрепление в Финляндию. Лифляндия также не по-

лучила дополнительных военных сил. В апреле 1704 г. Комиссия отклонила и предложение Майделя об отправке шведского подкрепления в Финляндию.

После основания в устье Невы Санкт-Петербурга Россия была практически обязана заслонить город от шведов и отбросить их как можно дальше на запад по обоим побережьям Финского залива. Становление России как господствующей державы в Финском заливе и само существование Санкт-Петербурга повлияли на ситуацию в Финляндии и Карелии на многие века вперед. В международной политике законы сильнейшего определяли то, чьи права на безопасность охранялись, а чьи попирались.

Благодаря тому, что король Карл вел войну в дальних землях, вплоть до немецкой Саксонии, и из-за невозможности отправить вспомогательные войска из Швеции в связи с приближающейся зимой, царь Петр решил на завоевание Выборга осенью 1706 г. В середине октября он подступил к стенам Выборга с двадцатитысячным войском. Попытка завоевания, однако, полностью провалилась. Плохие дороги препятствовали тому, чтобы привезти в Выборг тяжелые осадные орудия.

В 1707–1709 гг. Стокгольм снова снабжал финскую армию значительными суммами, особенно в 1708 г., когда армия Карла XII вторглась в Россию. Финская армия под руководством Георга Либекера осуществила поход в Ингерманландию с той целью, чтобы русские не могли сосредоточить все свои силы против королевской армии. Численность финской армии под командованием Либекера достигала 11 тысяч солдат, из них 3 тысячи были саксонские военнопленные, которых принудили к службе на стороне шведов. Это был единственный раз за всю войну, когда финская армия получила подкрепление из-за пределов Финляндии. Поход Либекера был спланирован намного лучше, чем вялые попытки завоеваний Майделя. С помощью передвижных понтонов армия перебралась через Неву, но артиллерию нельзя было перетащить по плохим грунтовым дорогам, из-за чего Петербург все же не удалось захватить. К концу похода Либекер растерял всю свою предприимчивость: он увел свои войска на мыс Колгомпя в Ингерманландии, откуда солдат перевезли морем в Финляндию. Лошадей, напротив, умертвили, что сильно ударило по мобильности военных сил, к тому же стало большой потерей для их владельцев крестьян.

Русские принудили жителей Ингерманландии к обязательным работам по отстройке Петербурга, который стал для своих строителей братской могилой. Некоторые ингерманландцы (ингерман-

ландские финны) работали, тем не менее, на финскую армию в качестве разведчиков. Они были лучшими солдатами финской армии, и, естественно, в родных краях у них не было никакой другой миссии, помимо секретных операций.

После победы в Полтавской битве в 1709 г. Россия, Дания и отстраненный Карлом от дел польский король Август обновили союз против Швеции. Проникнув в сердце России, положив на карту все и проиграв, Карл потерял все, чего он долгие годы добивался в Польше многочисленными кровопролитиями. Еще более роковым оказалось то, что всего за один день он умудрился разрушить существовавший века великодержавный статус Швеции. Датчане высадились на полуостров Сконе в конце 1709 г., но в феврале следующего года потерпели поражение и были вынуждены уйти из вражеских земель. Петр пообещал датчанам вторгнуться в Выборг. Россия была готова заключить со шведами мир на тех условиях, что она получит Ингерманландию, Кексгольмский лен и Выборг. Шведы могли, возможно, достичь и более выгодных для себя условий, но все же государство, привыкшее побеждать, не было готово к заключению невыгодного для себя мира.

Русская армия, насчитывавшая почти 7,5 тысячи солдат, выступила ранней весной 1710 г. из Кронштадта по льду и окружила Выборг. Гарнизон Выборга в лучшем случае располагал 4 тысячами воинов. Большая часть пехоты из армии Либекера находилась в городе, а также в обороне участвовала гвардия бюргерства и ополченцы. Сам Либекер покинул город, чтобы собрать войска из Финляндии, располагавшейся к западу от Выборга. В его распоряжении было 3 200 кавалеристов и 1 650 или чуть меньше пехотинцев. Таким образом, защитников города, как внутри, так и за его пределами, было больше, чем осаждающих. При решительном выступлении русских вполне можно было прогнать, но Либекер владел преувеличенными данными о численности наступающей стороны, к тому же ему не хватало напористости, которая сейчас пришлась бы как нельзя кстати. Главнокомандующий довольствовался тем, что несколько раз собрал войско и народное ополчение в районе реки Кюмийоки, как будто русских можно было напугать этой мобилизацией. Из-за неурожая армия Либекера страдала от недостатка довольствия, но имеющихся средств могло хватить на короткий поход, если бы совершенно не способных к битве народных ополченцев оставили дома. Теперь же постоянные перемещения войска и ополчения туда-обратно истощали и без того малые ресурсы,

не приводя к каким бы то ни было существенным результатам. Губернаторы финских ленов, а также финские дворяне и народ понимали, что Либекер не создан для руководства армией. Его отставки требовали и в Стокгольме.

Либекер отправил в Стокгольм за подмогой, но Комиссия по обороне категорически отказалась высылать вспомогательные войска для финской армии. Правительство опасалось продолжения наступления, только что предпринятого Данией. Военная коллегия объявила о том, что сначала снабдит оружием шведские войска, а уже то, что останется, переправит в Финляндию. Шведам необходимо было заново организовать и обмундировать полки, разбитые под Полтавой, поэтому финская армия должна была справляться своими силами. Начиная с 1710 г., денежная поддержка финской армии со стороны Стокгольма сильно сократилась по сравнению с предыдущими годами. После поражения под Полтавой риксрод находился под властью пораженческих настроений, и его члены надеялись на некое чудо со стороны короля или иностранных государств. Риксрод самостоятельно ситуацию разрешить не мог. Поэтому риксрод сосредоточился на том, чтобы сохранить в своих руках хотя бы центр Шведского государства. Возможно, риксрод сосредоточил бы больше внимания на защите восточных областей, если бы советники продолжали, как и раньше, владеть дарственными землями в Финляндии, Прибалтике, Ингерманландии и Кексгольмском лене. Но большая часть дворянских земель была отменена редукцией Карла XI в 1680–1690-х гг.

Во время ледохода русские переправили в Выборг военное подкрепление и тяжелую артиллерию на галерах. Шведский морской флот не успел закрыть проход к Выборгу и, таким образом, не смог воспрепятствовать тому, что враг стянул к городу достаточно сил для добровольной сдачи. Теперь армия осаждающей стороны насчитывала более 10 тысяч человек. Выборг пал 13–14 июня. Большую часть из неполных 4 тысяч гарнизона города, несмотря на противоположное соглашение, русские взяли в плен. Лишь около 900 раненых и больных защитников Выборга отпустили домой. Офицеры и солдаты взяли в плен мирных жителей, бежавших некогда в Выборг из города Ниеншанц, и угнали с собой в Россию. Шведские методы ведения войны были такими же жестокими, как и методы русских, но взятие в плен мирных жителей и их продажа в качестве слуг или рабов были особенностью русских военных. Единственными, кого не трогали русские, были выборгские купцы. Русские дали

жителям окрестностей Выборга охранные грамоты, но на деле продолжали грабить мирное население как во время осады города, так и после его сдачи.

Финская армия Либекера была на грани исчезновения. Если бы у русских были в ту пору силы и намерения завоевать всю Финляндию, они бы легко и быстро это осуществили. Они, тем не менее, не намеревались продвигаться дальше на запад от Выборга. Кексгольмскую крепость заставили сдать следующей осенью, и в 1710 г. последние прибалтийские крепости (Рига, Таллин) тоже перешли в руки России. Теперь русские владели всеми теми землями, которые официально перешли в их владение по мирному договору в 1721 г.

Будучи главнокомандующим финской армией в 1710–1712 гг., Карл Нирот привел войну к окрестностям Выборга, но после его смерти его преемник Либекер увел армию из тех земель и вернулся к пассивным военным методам. В 1712 г. русские совершили отвлекающий поход к реке Кюмийоки. Уступавший русским в военной мощи Либекер отозвал пушки из той области, готовясь сдать позиции, но русские отступили обратно к Петербургу. Согласно приказу царя, русским не следовало ввязываться в битву с врагом, равным по силам их собственному войску. Превосходство сил было тем козырем, благодаря которому многонаселенная держава, подобная России, была способна выиграть войну. Швеция обычно не располагала такой возможностью.

Отбить Финляндию у русских оказалось довольно легко в 1713–1714 гг. Шведы были уверены, что враг не сможет содержать большую армию в порядке в бедных финских землях, а плохие дороги и водоемы позволят уступавшим по силам защитникам избежать завоевания страны. Король Карл XII не дал главнокомандующему финской армией полномочий отдавать приказы губернаторам. Это позволило им оградить Либекера от полного доступа к налогам, которые в связи с улучшившимися урожайными 1710-ми годами можно было использовать для нужд армии. После Полтавской битвы Швеция почти не направляла средств в Финляндию. Для военных нужд король назначил в 1713 г. налог на имущество, доход от которого оказался меньше, чем от предыдущего военного налога. Причиной был недостаток данных об уровне дохода подданных короля. Из-за этого обеспечения для финской армии после наступления русских, начавшегося в мае 1713 г., хватило лишь на месяц. Летом положение было настолько плачевным, что армия не могла сдвинуться с места и сидела, будто пригвожденная к месту, в Тавастгусе (фин.

Хямеенлинна), не имея даже возможности воспрепятствовать продвижению русских к Турку (Або).

Русские решили проблему перемещения, переправив необходимые отряды, артиллерию и провиант главным образом шхерным флотом. Таким образом, они заполучили армию, почти в два раза превосходившую по численности финское войско, и обеспечили свои отряды довольствием до следующей весны. Им также помогло то, что шведский морской флот получил приказ из Стокгольма препятствовать передвижению русских галер через Аландское море в Стокгольм. Русские приняли бездействие шведского флота как должное, не понимая его истинной причины. Русский шхерный флот мог быть опасным противником, но шведы больше не пытались мешать перемещению русских кораблей в восточной части Финского залива. Шведский морской флот также не согласовывал своих действий с финской армией, как не делал этого и в предыдущие годы. Шведы начали строительство собственного шхерного флота только за год до этого, поэтому им было нечего противопоставить соответствующему флоту противника.

Между риксродом и королем, скрывавшимся в Османской империи после Полтавской битвы, возникли разногласия о целесообразности продолжения войны. Возможности Швеции продолжать войну и довести ее до желанной победы не были особенно многообещающими. Риксрод считал, что с помощью Голландии и Англии нужно было стремиться к заключению мира, а Карл XII, заботившийся о своей чести и славе командующего, собирался любой ценой выиграть эту войну. Либекер был фаворитом короля, которого тот сохранял на должности главнокомандующего, несмотря на полную его непригодность, находясь вдали от родины и, очевидно, не осознавая действительного положения вещей. Риксрод, напротив, относился к Либекеру неприязненно и в 1713 г. отказался предоставить ему вспомогательные войска из Швеции, хотя необходимость эта была очевидна. Либекер был действительно бесполезным полководцем, который при виде врага не осмеливался ни на что, кроме отступления. Положение Либекера было и без того сложным, но, позволив врагу беспрепятственно проникнуть в глубь страны, он деморализовал собственную армию и настроил против себя губернаторов финских ленов и самих жителей Финляндии. Солдаты начали дезертировать из армии. Летом риксрод все же принял единственно правильное решение и отозвал Либекера из Финляндии.

Швеция собиралась направить в Финляндию вспомогательные отряды, но этот проект осуществлялся настолько вяло, что

приход зимы и обледенение моря помешали его осуществлению. По той причине, что Либекер только и делал, что отступал, его преемнику Карлу Армфельдту оставалось только сражаться. Русские одержали победу над его армией в октябре 1713 г. в битве у реки Пялькане, а в феврале 1714 г. были разбиты в сражении при Сторкюре. В обоих сражениях Армфельдт с уступавшей по силам армией просто оставался на месте. Позволив врагу окружить себя, Армфельдт способствовал поражению собственной армии. После решающего Гангутского сражения было принято решение о том, чтобы переправить пострадавший в битве шведский флот в западную часть Аландского моря и оставить Финляндию русским.

Оккупация финских земель длилась до 1721 г. Нищая Финляндия была для Петра I лишь гарантом, с помощью которого он собирался склонить Швецию к заключению мира, возвращению России Ингерманландии и Кексгольмского лена, а также к передаче Выборга и Эстонии, которые Россия не имела права требовать себе по историческим причинам, в владение русских. Петр мечтал получить, в том числе, и Лифляндию, хотя когда-то пообещал ее правителю Польши Августу. В конце концов царь получил желаемое, когда в 1721 г. стороны заключили Ништадский мир. Швеция оказалась готова подписать разгромный договор лишь тогда, когда Карл XII погиб в 1718 г. во время похода в Норвегию и власть в Швеции перешла от самодержца к высшим сословиям. Россия, как страна-победитель, выплатила проигравшей Швеции значительную компенсацию за полученные земли.

Великое лихолетье — период русской оккупации Финляндии — 1713–1721 гг. разрушило финскую экономику не только из-за высоких налогов, но и по причине кризиса внешней торговли, нехватки рабочей силы и грабежа, осуществлявшегося солдатами либо по приказу начальства, либо по собственной инициативе. Помимо жителей финских территорий грабежам подвергались и те, кого русские тысячами брали в плен и уводили в Россию. Часть из них, как и военные, взятые в плен после битв под Полтавой и Выборгом, все же вернулись в родные земли после заключения мира. В конце войны солдат набирали из народа и увозили далеко в Россию к границе с Персией. Лишь Аландские острова и некоторые части Эстерботнии подвергались разорению систематически. Жертв Великого лихолетья среди гражданского населения было все же не так много, около 10 тысяч человек в общей сложности.

Оккупация Финляндии была для оставшегося на родине населения чрезвычайно тяжелым и болезненным опытом, но все же более повседневным явлением, чем та картина, которую изображали гипертрофированные впечатления современников того времени и миф о Великом лихолетье, который разожгла зародившаяся между мировыми войнами ненависть к русским. Речь шла лишь об обычном для истории Европы периоде оккупации, которое казалось финскому народу настолько нестерпимым потому, что войны великодержавной Швеции постоянно перетасовывали финские границы и местные жители уже не осознавали себя самое.

Хотя в число погибших во время войны финнов вошли 10 тысяч мирных жителей и 43 тысячи не вернувшихся в родные земли солдат (большая часть из призванных солдат, количество которых достигало почти 50 тысяч), а также тысячи умерших в ополчении крестьян, Северная война и период оккупации Финляндии остались позади по численности жертв по сравнению с временем Великого голода 1696–1697 гг., когда 27 (или 22) процентов населения Финляндии (в 1695 г. около 430 тысяч) умерли от голода или болезней в результате неурожая. То же бедствие постигло Кексгольмский лен, Ингерманландию и Прибалтику вместе с Северной Швецией.²⁴

²⁴ Финляндия в Северной войне: Antti Kujala. Miekka ei laske leikkiä: Suomi suuressa pohjan sodassa 1700–1714. Hist. Tutk. 211. Helsinki, 2001 и моя статья: Финляндия в Северной войне 1700–1714 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. М., 2006. С. 113–135 (в которой содержится больше информации о завоевании Финляндии в 1713–1714 гг.). Подробнее о Северной войне: Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. Под ред. С. Оредссона и А. Кана. М., 1999. Оккупация Финляндии русскими: Raimo Ranta. Viipurin komendanttikunta 1710–1721: Valtaus, hallinto ja oikeudenhoito. Hist. Tutk. 141. Helsinki, 1987; Christer Kuvaja. Försörjning av en ockupationsarmé: Den ryska arméns underhållssystem i Finland 1713–1721. Åbo, 1999; Kustaa H. J. Vilkkuna. Viha: Perikato, katkeruus ja kertomus isostaviihasta. Hist. Tutk. 229. Helsinki, 2005; Hilding Klingenberg. Repression och legitimering — rysk maktutövning i Åbo generalguvernement 1717–1721. Åbo, 2009. Клингенберг упоминает о том, что между оккупантами и оккупиремыми существовало и вполне нормальное общение. Напротив, Вилкунна дает в некоторой степени преувеличенную картину жестокости русских, что скорее всего происходит из-за того, что отправной точкой для исследователя является фольклор. Идеологически устаревшее и рассматривающее события той войны только с точки зрения русских: Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб, 1896; также источник: Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г. / Сост. Мышлаевский А. З. СПб, 1893. Годы Великого голода 1696–1697: Seppo Muroma. Suurten kuolovuosien (1696–1797) väestönmenetys Suomessa.

Карл XII умер, так и не женившись. Его уже скончавшаяся к тому времени старшая сестра была замужем за герцогом Гольштейном-Готторпом, в браке с которым был рожден сын Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. Младшая сестра Карла XII Ульрика Элеонора венчалась с принцем Фридрихом Гессен-Кассельским. Заседание риксдага в 1719 г. избрало правительницей Ульрику Элеонору, благодаря чему ее супруг Фридрих, в качестве короля Фредрик, получил корону. Форма правления 1719 г. и ее усовершенствованная версия 1720 г. урезала почти всю королевскую власть и передала ее сословиям (сословному собранию риксдагу). Высшая исполнительная власть все же принадлежала королю и риксроду. При совершении голосования у правителя было два голоса, у каждого члена риксрода — по одному. Эпоха свободы означала не предоставление современных гражданских свобод, а обеспечивала свободу от абсолютизма. У риксдага было право снять какого-либо члена риксрода с должности. Поначалу эта ответственность риксрода перед парламентом носила правовой характер, но затем, начиная с 1738–1739 гг., обрела юридическую форму, прикрытую политическим парламентаризмом.

Согласно параграфу 7 Ништадтского мирного договора, Россия обещала не вмешиваться в шведские формы правления, но взяла на себя обязательство пресекать противоречащие ей начинания. Так мирный договор дал России право вмешиваться во внутренние дела Швеции. Целью русских было ослабить власть короля, чтобы Швеция продолжала оставаться раздираемой междоусобицами, бессильной страной, наподобие Польши, во главе которой стояло дворянство.

В 1723 г. Россия помимо всего прочего пыталась заставить Швецию признать герцога Карла Фридриха наследным королем Фредриком I, выпустив в качестве предупредительной угрозы свой флот в свободное плавание по Финскому заливу. В 1725 г. Карл Фридрих женился на дочери Петра I Анне Петровне. Член риксрода и президент Канцли-коллегии Арвид Горн вел в отношении России осторожную политику. Горн попросил помощи в борьбе против имперских замашек России у Англии и Франции. Политические взаимоотношения между Швецией и Россией были частью охватывавшей Европу политической системы, цен-

Hist. Tutk. 161. Helsinki, 1991. Mirkka Lappalainen. Jumalan vihan ruoska: Suuri nälänhätä Suomessa 1695–1697. Helsinki, 2012.

тральными фигурами которой являлись Франция, Англия, Пруссия и Австрия, а среди небольших государств — Дания.

Основываясь на опыте Северной войны, шведы создали новый план крепостных сооружений в Финляндии, в который входили две крепости на восточном побережье, крепость Фридрихсгам (фин. Хамина) и форт Хельсинки (Гельсингфорс). Морской флот не мог передвигаться по мелководным областям, поэтому на защиту крепости назначили шхерный флот, который должен был препятствовать тому, чтобы русский галерный флот не мог использовать в своих интересах архипелаг, как это произошло в недавней войне. В предстоящей войне русские больше не смогли бы отрезать финскую армию от моря и, соответственно, от подмоги, идущей из Швеции. Из этих далеко идущих планов осуществилось строительство крепости Фридрихсгам. Вместо Хельсинки главной опорной точкой риксдаг определил находившуюся далеко от моря крепость Тавастгус. Шхерный флот же поместили вместо Финляндии в Стокгольме. Небольшие средства на крепостные укрепления использовались главным образом на территории Швеции. Работу по усовершенствованию крепостных сооружений сдерживал страх перед агрессией, которую могла бы начать Россия, раздраженная фортификационными работами, а также мысль о возможном захвате когда-то потерянных земель, в деле которого дополнительные крепостные сооружения были не нужны.

В 1738–1739 гг. Франция и Россия довольно открыто финансировали предвыборную битву депутатов риксдага, чтобы продвигнуть своих сторонников в импонировавшие им партии. Партия «шляп», которую поддерживала Франция, отстранила Горна и прорусскую партию «колпаков» от правления в риксроде. Секретный комитет риксдага признал войну с Россией неизбежной.

Царица Анна Иоанновна умерла в 1740 г., а перед смертью назначила своим наследником младенца Ивана. Было также известно, что на престол имела виды дочь Петра I Елизавета Петровна. Партия «шляп» надеялась на то, что за оказанную помощь получит от Елизаветы Петровны земли, отданные русским в 1721 г., однако на деле эти надежды обернулись лишь пустыми обещаниями будущей царицы. Беря на себя обязательство вернуть шведам потерянные земли, она подвергала опасности собственную жизнь. Франция обещала оказывать Швеции усиленную поддержку, если те начнут войну. Некоторые из партии «колпаков» со своей стороны предлагали русскому послу даже захватить Финляндию, чтобы в шведском правительстве произошел переворот. На голосовании риксрода по вопросу войны

мнения разделились в соотношении 8 к 7 в пользу войны. Два решающих голоса короля на голосовании обеспечили тем, что разрешили вернуть в Стокгольм его возлюбленную, сосланную когда-то из столицы. Помимо возвращения бывших шведских территорий Швеция была нацелена на завоевание земель, располагавшихся между Ладожским озером и Белым морем.

Редко когда страна ввязывается в войну с таким слабым вооружением и несбыточными мечтами, как это сделала Швеция в 1741 г. Вспышка дизентерии полностью вывела из строя шведский флот, и от той же эпидемии погибло пять процентов населения Финляндии. Урожай в тот год также не удался. Шведы потерпели поражение в битве при крепости Вильманstrand (фин. Лаппеенранта) в августе 1741 г. Ни у финской, ни у шведской части армии не осталось и в помине того боевого духа, на котором основывалась вся мощь Шведской великой державы на протяжении столетий. Швеция, тем не менее, отправила дополнительные войска, и главнокомандующий Карл Эмиль Левенгаупт вместе с войском пересек русскую границу. Собранные из крестьян войско захватило Сортавалу. Эта и еще несколько побед защитников родных северокарельских деревень в небольших схватках так и остались единственным успехом шведов в предпринятом походе.

Воспользовавшись смутой, царившей в стране, Елизавета захватила трон. По инициативе царицы французский посол в Петербурге Иоахим Жан Тротти, маркиз де ла Шетарди попросил Левенгаупта остановить наступление. Императрица предложила Левенгаупту неофициальное перемирие, которое тот одобрил, рассчитывая взамен получить желанные земли. Де ла Шетарди напрасно склонял Елизавету к подобному соглашению. Так, из-за легковёрности Левенгаупта и постоянного балансирования де ла Шетарди между интересами Швеции и России, шведы потеряли единственную возможность извлечь хоть какую-то пользу от русских. Посол Франции действовал вразрез с волей своего правительства, которое стремилось всячески ослабить Россию с помощью Швеции.

В феврале 1742 г. Елизавета разорвала перемирие. Русские распространили по Финляндии манифест Елизаветы на финском и шведском языках, в котором она предлагала Великому княжеству Финляндскому независимость. По большей части это была военная пропаганда, нацеленная на подавление врага, хотя с легкой руки русской царицы идея независимого буферного государства теперь витала в воздухе. Шведы, однако, решили, что Елизавета этим манифестом пыталась обеспечить должность

правителя Финляндии для сына своей сестры Анны Петровны и ранее упоминавшегося Карла Фридриха, герцога Карла Петера Ульриха Гольштейн-Готтерпского. Эта идея основывалась на слухах, которые русские, очевидно, распространяли с целью дезорганизации врага. В принципе, герцог мог также стать в свое время наследником бездетного Фредрика I, то есть шведским королем. Все эти размышления шведской стороны, однако, не имели под собой реальной почвы. У самой Елизаветы были в отношении Карла Петера Ульриха другие намерения.

Русская армия пересекла шведскую границу летом 1742 г. Шведы без сопротивления отказались от выгодного положения у крепости Фридрихсгам и сдали саму крепость. Под Хельсинки русские закрыли для Левенгаупта все пути к отступлению. В августе шведское войско сдалось русской армии, которая по численности была равна шведской. Иностранные офицеры, наблюдавшую войну из рядов русской армии, сочли поведение шведов непонятным. После сдачи шведской армии русские захватили Финляндию. Финны получили охранные грамоты после присяги на верность. Целью тех, кто присягал, было сохранить жизнь и имущество и остаться с русскими захватчиками в хороших отношениях. Не считая разорений в приграничных областях, русские отряды вели себя довольно гуманно по отношению к местному населению во время войны 1741–1743 гг.

Чтобы привести в порядок снабжение своей армии и ситуацию в стране, русские дали добро на организацию местных сословных собраний. Тогда и стало ясно, что русская императрица не собиралась сделать Карла Петера Ульриха правителем независимой Финляндии или будущим королем Швеции. Вместо этого он стал наследником русского трона. Настояв на его крещении в православие, Елизавета оградила себя от той опасности, что шведы при поддержке Франции смогут использовать Карла Петера Ульриха (в крещении Петра Федоровича) как орудие против русских, избрав его, например, наследником шведской короны. Тогда, будучи отпрыском дочери Петра Великого, он мог стремиться и к тому, чтобы занять российский трон. Независимая Финляндия была больше не нужна как площадка для военной пропаганды, хотя эту идею и поддерживали некоторые советники Елизаветы. Риксдаг избрал Карла Петера Ульриха наследником шведского престола, чтобы добиться выгодных условий мира с Россией, но Елизавета предложила на эту роль родственника Карла Петера Ульриха, князя-епископа Любека Адольфа Фридриха. Он возглавлял управление Гольштейнов-Готторпов и кро-

ме того был потомком сестры короля Карла X Густава. Риксдаг последовал этому совету в июне 1743 г.

После смерти Елизаветы Петр Федорович стал именоваться царем Петром III и правил в 1761–1762 гг. Но уже в 1762 г. его жена Екатерина сместила своего супруга с трона.

В августе 1743 г. границы по Абоскому миру передвинули от западной части окрестностей Выборга к реке Кюмийоки и озеру Сайма так, что Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот (фин. Савонлинна) отошли русским. Сообщение Восточной Финляндии с побережьем Финского залива стало настолько неудобным, что перегонка дегтя, которой издревле занималось местное население, полностью прекратилась. Несмотря на то, что 7-й пункт Ништадтского мира не был перенесен в Абоский мирный договор, русские апеллировали к нему при всяком удобном случае.

Выбор Адольфа Фредрика Гольштейн-Готторпского на роль наследника шведской короны вызвал угрозу войны со стороны Дании. По этой причине на помощь шведам по морю приплыли 10–12 тысяч русских солдат, которые еще недавно были врагами Швеции, оккупировавшими Финляндию. Русские задержались в Швеции на полгода, сдерживая угрозы агрессии датчан и волнение недовольных шведских подданных. Русский посол И. А. фон Корф вмешался во внутреннюю политику Швеции, щедро финансируя партию «колпаков». Россия сетовала на то, что отдала Финляндию обратно шведам, а также была недовольна Адольфом Фредриком и браком, который он заключил с сестрой прусского короля Фридриха II Ловизой Ульрикой. Россия оказывала на Швецию давление, сосредоточив свои войска вблизи финской границы и отдав приказ своему флоту курсировать в водах Финского залива. Елизавета Петровна потребовала от Адольфа Фредрика в 1746 г. распустить «шляпы» из риксрода. Наследник, однако, объявил на заседании тайной комиссии риксдага, что не хочет становиться марионеткой в руках Елизаветы. В результате «шляпы» смогли заполнить членами своей партии свободные места в риксроде.

В начале 1747 г. Россия стянула свои отряды к границе со Швецией. В ответ Швеция заключила союз с Пруссией и Францией. По просьбе Фредрика I Елизавета отозвала из Стокгольма Корфа, переступившего всякие рамки дозволенного. Новый посол в Швеции Никита Панин выразил мысль о независимой Финляндии. Царица также возлагала надежды на сепаратистские силы Финляндии, которых в действительности

сти не существовало, не считая отдельных авантюристов. «Колпаки» подстрекали Россию оказать военное давление на Швецию. Причиной этого давления со стороны русских правителей была уверенность в том, что шведы так и не отказались от идеи реваншистской войны.

В 1749 г. Адольф Фредрик взял на себя обязательство отказаться от всех притязаний, касавшихся земли Шлезвиг-Гольштейна, двух располагавшихся на западной границе Дании герцогств, владение которыми и запутанные административные отношения между которыми в течение многих веков вызывали плохо поддававшиеся разрешению споры между государствами Северной Европы и их правящими династиями. Поведение Адольфа Фредрика предотвратило нападение со стороны Дании. Россия, тем не менее, грозила завоевать Финляндию после смерти старого короля Фредрика. Новый правитель был обязан поклясться, что сохранит тогдашнюю форму правления и будет соблюдать 7-ю главу Ништадтского мира. Это был шантаж чистой воды без какой-либо военной угрозы, так как Россия не собиралась нападать в одиночку. Швеция раз за разом отвергала требования России и делала это жестче, чем раньше. По совету Франции в 1751 г. шведское правительство решило отправить свои войска в Финляндию. В то же время скончался король Фредрик I, что позволило Елизавете Петровне решить, что ее цель достигнута и, таким образом, опасность войны миновала.

В действительности давление со стороны русских способствовало тому, что шведское правительство стало уделять больше внимания обороне Финляндии. В конце 1740-х гг. шведы приступили к постройке крепости Свеаборг (фин. Суоменлинна) недалеко от центра города Хельсинки. Финансирование на постройку поступало главным образом из Франции.

Придворная партия, участвовавшая в риксдаге, в середине 1750-х гг. попыталась расширить власть короля, но сословия отклонили план государственного переворота. Придворная партия попросила помощи у царицы Елизаветы. Руководителей тайного заговора казнили. Королю Адольфу и королеве Ловизе Ульрике, которая была осведомлена о готовящемся заговоре даже лучше супруга, удалось отделаться от связей с заговорщиками и справиться с публичным порицанием королевской четы.

В 1757 г. Швеция объединилась с Францией, Австрией, Россией и Германией в войне против Пруссии. Швеция также вступила в эту войну плохо оснащенной. В 1762 г. шведы наряду с русскими заключили с Пруссией мир.

В 1764 г. Россия под управлением Екатерины II и Пруссия во главе с королем Фридрихом II заключили союз, целью которого было сохранить в силе шведскую форму правления. В следующем году Дания заключила такой же союз с Россией. «Колпаки» снова пришли к власти в риксдаге в 1765–1766 гг. При активном содействии российского посла Ивана Остермана была создана система, которая должна была усложнить внесение поправок в конституцию Швеции, благодаря чему Россия надеялась избежать усиления власти шведского монарха и начала войны с целью реванша.

В ходе предвыборной кампании в риксдаг 1769 г. Франция оплачивала расходы партии «шляп», а Россия, Англия и Дания — издержки «колпаков». В результате «шляпы» отстранили «колпаков» от управления страной. Екатерина II планировала сделать Финляндию «свободным», а по сути зависимым от России буферным государством. Россия, Пруссия и Дания продлили союз, целью которого было воспрепятствовать изменению в государственном строе Швеции, который усилил бы впоследствии полномочия короля. Это могло повлечь объявление войны Швеции. Союзники планировали заставить Швецию отдать им земли, если война все же разгорится. Пруссия, Дания и Англия были не особенно заинтересованы в том, чтобы способствовать значительному расширению территорий России в направлении Финляндии. Намерением Екатерины было, тем не менее, в первую очередь утихомирить Швецию и начать раздел Польши при участии Пруссии.

По данным первой переписи населения 1749 г., численность населения Швеции (неполные 1,8 млн) и Финляндии (свыше 400 тысяч) оказалась меньше предполагавшейся. Для той эпохи был характерен интерес к росту сельскохозяйственного производства, в том числе и с целью увеличения численности населения. Было разрешено дробление наделов, и началось осуществление Великого передела земель (фин. *isojako*), способствовавшего объединению десятков небольших крестьянских земельных наделов. Крестьяне получили право сдавать в аренду части своих участков новым возделывателям. Эти реформы значительно простимулировали сельскохозяйственное производство и вызвали значительный прирост населения. Происходило небольшое потепление климата, в стране начали выращивать картофель, и остались в истории многочисленные наборы в рекруты, шедшие рука об руку с великодержавными войнами, — все это также благоприятно повлияло на ситуацию.

За период 1749–1800 гг. население Финляндии, входившей в состав Швеции, удвоилось. В 1789 г. была окончательно утверждена гарантия полной собственности крестьян на их землю. Владельцам коронных наделов возвращалось право выкупать свои земли, чтобы получить право полной собственности на них. После того как «колпаки» пришли к власти в риксдаге в 1765–1766 г., ограничения на международную торговлю, ставившие в приоритетное положение Стокгольм, были упразднены, а права небольших шведских городов на ведение торговли были, наоборот, расширены, благодаря чему многие из них теперь могли торговать в том числе и с другими странами.

В конце шведского правления Финляндия разбогатела, а ее культурная жизнь значительно развилась и упрочила свои позиции. В Академии Або (университете) значительное влияние приобрел специалист по экономике и естествознанию Пер Кальм, исследователь и путешественник по Северной Америке, а в духовном сословии, участвовавшем в риксдаге, важной стала фигура Андерса Чюдениуса, который создал труды о свободе выбора источников существования в духе экономического либерализма и настоял на том, что в 1766 г. была отменена цензура в печати. Ученик Кальма из Академии Або Эрик Лаксман, родившийся в Нейшлоте, совершал экспедиции в Сибирь. Он был одним из членов Петербургской академии наук и царским минерологом в Иркутске. Его сын Адам Лаксман плавал в Японию в 1792 г. и по поручению Екатерины пытался завязать там торговые отношения, однако японское правительство ответило отказом на попытку сближения.

Альгот Скарин, швед по происхождению, был профессором истории Академии Або в 1722–1761 гг. На основе сравнительного анализа языков он подтвердил так называемую норманнскую теорию, согласно которой варяги, основавшие Русь, были по происхождению шведами. Профессор риторики (латинского языка) Хенрик Габриель Портан (на должности 1777–1804 гг.) занимался исследованиями финских народных традиций, истории и языкознания. Портан составил компиляцию истории России, по возможности в форме лекций, которая была издана лишь в 1966 г. Стоит отметить, что финский язык, преимущественно язык народа, все еще находился в Финляндии на вторых ролях. Портан считал шведский язык языком образования. Знание финского языка не требовалось даже от служащих, занимавших в Финляндии должности судей и чиновников. Самые важные законы и указы все же переводились на финский и официально издавались.

Межсословные разногласия усилились в конце эпохи правления Адольфа Фредрика. Толчком послужило принятое дворянством в 1762 г. решение о том, что в рыцарское собрание отныне нельзя было принимать новых членов для полномерного введения их в круг шведского дворянства. Таким образом, на долгое время была предотвращена возможность того, что незнатные государственные деятели поднимутся в ранг общественной элиты. Эту тему горячо обсуждали в риксдаге в 1769–1770 гг.

После смерти Адольфа Фредрика в 1771 г. шведскую корону унаследовал его сын Густав III. Произнося торжественную клятву перед риксдагом весной 1772 г., король утвердил сословные и, таким образом, дворянские привилегии, в том числе касательно высоких должностей. На должность, тем не менее, следовало назначать, основываясь на умениях и заслугах, а не опираясь на сословную принадлежность. Так Густав пытался удовлетворить пожелания как аристократических, так и незнатных сословий. Спор происходил в действительности между сословиями, а не между партиями. Шведский король хотел, чтобы представители обеих партий присутствовали в риксроде, но партия «колпаков» вытеснила из правительства всех «шляп» и членов придворной партии. Они больше не прислушивались к советам посла Остермана, который призывал быть осторожными. Выходом из положения казался данный в личном письме королю совет министра иностранных дел Франции начать организацию государственного переворота. Франция уже предлагала подобное решение вопроса кронпринцу Густаву в 1760-х гг., но тогда дала этой рекомендации обратный ход.

Густав осуществил бескровный государственный переворот летом 1772 г. Представители сословий одобрили новую форму правления в королевском дворце, во двор которого на всякий случай были стянуты заряженные пушки. Согласно новой форме правления 1772 г., управленческая и законодательная власть, как и руководство внешней политикой, переходили к королю, однако монарх не имел права вступать в войну без согласия сословий. У последних, наряду с королем, оставалось право участвовать в принятии законов и введении новых налогов. Созыв сословного собрания теперь зависел от желания правителя, тогда как в Эпоху свободы риксдаг созывался автоматически каждые три года, а иногда и чаще.

Россия, в это время вовлеченная в войну с Турцией, не могла ничего поделать. Дания не была способна в одиночку заставить Швецию вернуться к тому политическому строю, который гос-

подставовал в стране в Эру свободы. Давнее намерение России сохранять шведскую королевскую власть бессильной, а страну — внутренне слабой и внешне беззащитной обернулось полнейшей неудачей.²⁵

Перевод с финского Елены Вешняковой

²⁵ Eino Jutikkala. Vapauden aika // Suomen historian käsikirja. I. Porvoo & Helsinki, 1964. S. 499–587; Toivo J. Paloposki. Vapauden aika // Suomen historia. 4. Espoo, 1986. S. 9–179; Ilkka Mäntylä. Vapauden aika // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo & Helsinki & Juva, 1987. S. 272–311; Michael Roberts. Sverige under frihetstiden 1719–1772. Falun, 1995; Kan. Op. cit. S. 84–97, 178–184; Evgeny V. Anisimov. Empress Elizabeth: Her Reign and Her Russia 1741–1761. Gulf Breeze, FL, 1995, в особенности pp. 28–42, 85–90, 105–109, 146–149; Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л., 1972. Отметим, что Юрки Пааскоски рассматривает в своем разделе попавшие под власть России в 1721 и 1743 гг. области Финляндии, так называемую Старую Финляндию.